

АННА ДЖЕЙН

РАЗРЕШИ
ЛЮБИТЬ

Навсегда со мной, навсегда моя

18+

Навсегда в моем сердце

Анна Джейн

**Разреши любить. Навсегда со
мной, навсегда моя. Книга 1**

«Автор»

2026

Джейн А.

Разрешить любить. Навсегда со мной, навсегда моя. Книга 1 /
А. Джейн — «Автор», 2026 — (Навсегда в моем сердце)

Он потерял любимую и поклялся, что никогда больше никого не полюбит. В его сердце навсегда останется лишь она, его нежная девочка. Но однажды он встретил девушку, которая неуловимо напоминает ему о первой любви. У нее тот же запах, та же фигура и тот же голос, только лицо другое. Она – дочь опасного человека. Какой секрет она хранит? И сможет ли заменить ту, которую он так сильно любил? Он пойдет на все, чтобы узнать правду.

Содержание

Пролог. Иллюзия боли	6
Часть 1. Выбор. Глава 1. Похищение	10
Глава 2. Я спасу тебя	14
Глава 3. Пробуждение	19
Глава 4. Любовь или дружба?	25
Глава 5. Я выбираю себя	31
Часть 2. Чувства. Глава 6. День, когда пошел первый снег	37
Глава 7. В любви	43
Глава 8. Солнце в его груди	46
Глава 9. В ее комнате	53
Глава 10. В его комнате	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Джейн
Разреши любить. Навсегда со
мной, навсегда моя. Книга 1

Анна Джейн
Разреши любить. Навсегда со мной, навсегда моя

Позволь мне тебя сберечь.

Любовь сильная, как смерть
(Песнь Песней Соломона 8:6,7)

Пролог. Иллюзия боли

Шесть лет спустя

Около сияющего огнями ресторана остановился элегантный «бентли». Из салона вышел молодой мужчина в черном костюме: высокий, статный, с широким разворотом плеч. Небрежно уложенные темно-кофейные волосы, гладко выбритое лицо с четко очерченными скулами, чувственными губами и бровями вразлет. Его можно было назвать если не красивым, то эффектным —точно. Только вот взгляд у него был тяжелым – не мрачным, не злым, не властным, а именно тяжелым, подавляющим. Будто в янтарных глазах сияла пустота, та самая пустота, которая может утянуть за собой. Люди остерегались смотреть ему в глаза, а если им все же доводилось сделать это, обычно отводили взгляд.

Он открыл заднюю дверь и подал руку хрупкой светловолосой девушке в облегающем вечернем платье серебристого цвета. Девушка обладала нежной красотой, в которой не было ни доли искусственности или вульгарности, и выглядела при этом неприступно и дорого. Такими, как она, можно любоваться лишь издали, простым смертным ничего с ними не светит.

– Спасибо, милый, – улыбнулась девушка и взяла своего спутника под руку.

Смотрелась они гармонично: он – большой и сильный, и она – тоненькая и нежная. Идеальные.

Водитель «бентли» отъехал в сторону парковки, а пара молча направилась ко входу в ресторан, двери которого моментально распахнул услужливый швейцар в алой ливрее, больше похожий на гвардейца.

– Добро пожаловать, дорогие гости! – отработанным, полным гостеприимства голосом произнес он и даже слегка поклонился.

Пара оказалась в ярко освещенном холле, и им навстречу шагнул один из охранников.

– Добрый вечер. Могу ли я увидеть ваши приглашения? – спросил он любезно.

Ничего не говоря, брюнет вытащил из кармана два черных прямоугольника – черная бархатная бумага и золотое теснение. И небрежно, двумя пальцами протянул охраннику. Тот внимательно изучил приглашения, сказал пару слов по рации, после чего дежурно улыбнулся, отходя в сторону.

– Игнат Константинович, Александра Игоревна, прошу вас, проходите. Вот в эту дверь. Хорошего вечера.

– Спасибо, – поблагодарила девушка. – Идем, Игнат.

– Нам обязательно нужно было сюда идти? – спросил тот без особого удовольствия.

– Конечно. Твой отец не мог не поздравить Рустама Айзатовича. Не смог приехать сам, попросил нас. Рустам Айзатович – уважаемый человек, бизнесмен, коллега Кости. Ты же знаешь, что в нашем обществе связи нужно поддерживать. Как говорит моя мама, «связи решают». Это вторая неофициальная валюта после информации.

– Уважаемый человек? – Губы Игната тронула недобрая улыбка. – С каких пор этот уголовник стал уважаемым человеком? Когда всех перекупил?

– Тише, ты что, вдруг кто-нибудь услышит? – нахмурилась девушка. – Нельзя так говорить. Мы у него на юбилее.

– Нельзя грабить и убивать, а потом стать уважаемым человеком, – усмехнулся Игнат. – Алекса, ты серьезно считаешь, что бабки могут сделать его полноценным членом общества?

– Я все прекрасно понимаю, – поджала губы Алекса. – Но сейчас мы должны делать вид, что искренне желаем ему долгих лет жизни. Пожалуйста, Игнат, просто поздравь его. Не говори ничего лишнего. Умоляю.

– Хорошо, – коротко ответил тот. – Поздравим этого урода и через час свалим.

Из холла они попали в welcome-зону, оттуда – в главный зал ресторана – настоящее царство хрусталя, зеркал и мрамора, заполненное людьми в дорогой одежде. Невероятно высокие потолки с огромными сверкающими люстрами, изящные колонны, изысканная лепнина, белоснежные статуи и фонтаны, арчатые окна... Пышность и роскошь современного ампира во всей красе. Правда, Алекса этого не оценила. Дернула плечиком и тихо сказала:

– Какая безвкусица, боже. Я бы никогда не стала делать тут свадьбу. Милый, наша свадьба будет в красивом месте, правда?

– Мне все равно, – ответил Игнат равнодушно.

– Игнат... Ты всегда так говоришь, как будто тебе нет до нашей свадьбы никакого дела, – грустно вздохнула Алекса.

– Мне действительно нет до нее дела.

Девушка закусила губу, но ничего ему не ответила. В это время к ним приблизился сам виновник торжества – плотный мужчина лет шестидесяти с седыми волосами и зоркими темными глазами. Он обнял Игната, панибратски похлопав его по плечу, после поцеловал руку Алексе и сделал ей комплимент. Смотрел он на нее сально, будто бы раздевая глазами, несмотря на то, что рядом стояла супруга в возрасте. Алекса видела этот пожирающий похотливый взгляд, но все равно улыбалась. Научилась скрывать истинные эмоции.

– С днем рождения, дорогой Рустам Айзатович, – сказала она. – Вы замечательно выглядите!

– Для тебя я просто Рустам, моя дорогая, – подмигнул он ей и перевел взгляд на Игната. – Невеста у тебя красивая, береги ее. Настоящая царица. Был бы я лет на двадцать моложе, я бы ее...

– Рустам, – одернула его супруга.

– Я тебе сколько раз говорил меня не перебивать? – нахмурился именинник. Женщина потупилась, и он продолжил: – Жаль, Костя не приехал, хотел увидеть его. Давно мы с ним не общались.

– Отец на переговорах в Китае, – сдержанно ответил Игнат. – Не смог улететь.

– Но мы поздравляем вас от его имени, – тут же вставила Алекса.

К счастью, их разговор закончился быстро – прибыли новые гости, и именинник с супругой направились встречать их, а Алексу и Игната проводили за столик, покрытый белоснежной скатертью, в центре которого стояли букеты с живыми розами. Столик они делили с другой молодой парой – полным молодым человеком в очках и девушкой, похожей на куклу Барби. На ней было маленькое нежно-розовое платье, такое короткое, что казалось, оно вот-вот соберется на покатых бедрах.

– Боже, Шленская, – поморщилась Алекса так, словно увидела живого таракана.

– Кого я вижу! – широко заулыбалась Яна, вскакивая со своего места и буквально бросаясь на шею Игнату. – Я так скучала!

Игнат молча отстранил ее от себя, но Шленская не смутилась, а крепко обняла Алексу, поцеловав воздух около ее щеки. От нее пахло алкоголем.

– Не трогай Игната, – тихо шепнула Алекса на ухо Яне.

– Ты когда-то обещала, что я смогу быть его любовницей, – ответила та ехидно.

– Попытайся, – только и ответила Алекса, отстраняясь.

Девушки с ненавистью улыбнулись друг другу и сели за столик.

– Говорят, у вас свадьба скоро, – беспечно обронила Яна, попивая из бокала шампанское.

– В августе, – сдержанно ответила Алекса. – Еще почти три месяца.

– У нас с пупсиком тоже свадьба в августе, – расплылась в улыбке Яна и потрепала своего спутника за пухлую щеку. Тот поморщился. – Пупсик – сын Муравьева, ну, у которого строительная фирма. Игнатик, я так давно тебя не видела... Болтали, что ты уехал обратно в Лондон, а я так скучала... Значит, ты скоро возглавишь бизнес отца?

– Может быть, – равнодушно ответил Игнат.

– Я о тебе много слышала. Говорят, что ты молодой, но дерзкий. Очень крутой. Жестко ведешь бизнес, – с придыханием сказала Шленская. – Впрочем, ты был жестким и в постели. О боже, я сказала это вслух, да? – расхохоталась она, видя, какими стали глаза ее жениха. – Но что поделать? Прошрое есть прошрое, да? Мы с Игнатиом так зажигали... До сих пор вспоминаю. Это было феерично.

– Хватит, – тихо попросил ее жених.

– Да ладно тебе, что было, то было, пупсик. У тебя ведь до меня тоже девочки были, – отмахнулась Шленская.

Официанты начали разносить блюда, на сцене появился ведущий, и началась развлекательная программа, в ходе которой то и дело воспевали именинника. Его поздравляли самые влиятельные люди города – политики и бизнесмены, называя благородным, честным и заботливым, и Игнат, слыша это, позволял себя усмехаться. Правда, среди поздравлявших попадались и откровенные уголовники, которые избежали смерти от шальной пули в девяностых и смогли пережить двухтысячные, не угодив за решетку. Один из них особенно запомнился Игнату. С виду это был обычный на вид мужчина. Среднего роста, среднего телосложения, только вот с недобрым взглядом. Лютым, волчьим. На его сжимавших микрофон пальцах были видны наколки.

– Сегодня день рождения у моего друга, у моего брата, с которым мы многое прошли, – хрипло сказал он. – Красиво говорить не умею, скажу коротко – здоровья тебе, Рустик. И долгих лет.

Мужчины крепко обнялись, о чем-то перемолвились без микрофона, и мужчина с волчьим взглядом удалился за свой столик.

– Это Вальзер, один из лидеров Кировской банды, – шепнул Янин жених, перегнувшись через стол к Игнату. – Отец говорил, настоящий зверь. Но вроде бы сейчас отошел от дел, уехал из города.

Игнат поморщился. И почему такие, как этот тип, не сидят? Поздравления, подарки и прочий фарс продолжались. Все то время, которое они провели за столиком, Яна Шленская строила глазки Игнату, принимая то одну, то другую соблазнительную позу, чтобы он получше мог рассмотреть ее большую грудь. Алекса видела это и бесилась, а самому Игнату было плевать. Он как будто вообще не видел в Яне женщину, и та, понимая это, старалась все больше и больше, пока жених просто не увел ее из-за стола. Впрочем, Игнат вскоре тоже поднялся.

– Я уезжаю. Попроси водителя тебя забрать, – коротко сказал он Алексе.

– Уже? – расстроилась она. – Но это некрасиво... Игнат, побудь еще немного. Может быть, потанцуем?

– Не хочу. Потанцуй сама.

С этими словами Игнат развернулся и ушел. Ему противно было здесь находиться – в этом шумном, блестящем месте, где каждый предмет кричал о роскоши и деньгах, а каждый гость упивался своим положением. Лучше бы он остался в офисе, пересмотрел документы по скорой крупной сделке. Удивительно, но работа успокаивала его почти так же, как спорт. Погружаясь в мир цифр и юридических терминов, Игнат забывался. За последние годы он многому научился и даже сам не понял, как стал жить той жизнью, которую когда-то давно боялся и презирал. Стал таким же, как отец.

Из главного зала Игнат случайно попал на летнюю веранду, с которой открывался вид на реку. Здесь было гораздо тише, музыка не долбила по ушам, а вечерний майский воздух был напоен свежестью. Игнат взял бокал с подноса проходившего мимо официанта и задумчиво сделал глоток. Наверное, все-таки нужно вернуться в офис и... Тут его взгляд зацепила девушка, стоявшая в отдалении к нему спиной. Длинное алое платье с открытыми плечами, в руке клатч на цепочке, роскошная грива темных, чуть волнистых волос почти до пояса.

Было в этой девушке что-то странное. Что-то, отчего сердца Игната вдруг застучало так, словно он не стоял, а бежал куда-то. Его будто тянуло к ней, и Игнат безумно хотел дотронуться до нее и развернуть к себе. Так сильно, что не мог противиться этому странному, какому-то неестественному, но такому сильному желанию. Он приблизился к ней и, чувствуя, как холод прожигает сердце, дотронулся до теплого обнаженного плеча.

Девушка резко обернулась и испуганно, даже как-то дико взглянула на него. Должно быть, не ожидала, что кто-то до нее дотронется. Игнат отступил на шаг. На него смотрела красивая кареглазая незнакомка с точеными чертами лица. Чистая кожа, вздернутый носик, пухлые красные губы... Он точно никогда в жизни ее не видел, но при этом Игната с головой накрыло ощущение, что они хорошо знакомы. Ему вдруг захотелось кричать, как дикому зверю, но все, что он мог, улыбнуться незнакомке, словно идиот.

Время замерло. Они неотрывно смотрели друг на друга, и Игнату казалось, что пропало все: звуки, запахи, цвета. Остались только они вдвоем: он и эта странная, но такая притягательная незнакомка. Игнату безумно хотелось дотронуться до ее лица, и он, сам не понимая, что делает, изучающе коснулся щеки кончиками пальцев. Темные глаза девушки широко распахнулись. А когда он ласково дотронулся большим пальцем до ее губ, она выдохнула и отпрянула в сторону.

– Дочка, нам пора, – послышался позади них мужской голос.

Игнат резко обернулся и напрягся, увидев того самого мужчину с волчьими глазами, который поздравлял именинника. Отец, взяв дочь за локоть, предостерегающе посмотрел на Игната. Ему явно не нравилось внимание к его дочери. «Не подходи к ней», – говорили его глаза.

Они направились к выходу, и Игнат сначала замер, провожая ее взглядом, а потом, перестав соображать, что делает, бросился за ними. Но не успел догнать – в это время на веранду ввалилась большая нетрезвая компания, и когда Игнат протиснулся сквозь эту толпу, ни девушки, ни ее отца уже нигде не было. Игнат обыскал бар, главный зал, даже заглянул в туалет. Но таинственная незнакомка и ее отец исчезли.

Игнат присел за свободный столик и запустил пальцы в волосы, склонив голову. Девушка – дочь криминального авторитета или кто он там. Он может ее найти. Он точно ее найдет. Для этого у него есть все ресурсы.

Часть 1. Выбор. Глава 1. Похищение

Шесть лет назад

Пока Ярослава с упоением двигалась под музыку, Стеша покинула танцпол. Ей тоже хотелось погрузиться в ритм и танцевать, забыв обо всем на свете, но презрительный взгляд какого-то парня моментально отбил это желание. Иногда Стеша начинала чувствовать себя не такой, как остальные, человеком второго сорта из-за лишнего веса, и когда это отвратительное ощущение накрывало ее, она уходила в себя. Тревога и стыд выматывали, и в эти мгновения Стеше хотелось спрятаться от людей, чтобы они ее не замечали. В этот раз она тоже убежала – в пустой вип-зал, куда их пригласил администратор, оказавшийся знакомым Окс и Риты. Не нужно было ей идти в клуб, здесь не место таким, как она.

Какое-то время Стеша сидела на диване с телефоном в руках, чтобы отвлечься, но не помогало. Ярослава продолжала танцевать, Окс и Рита пропали куда-то с парнями, которых подцепили. Острое ощущение одиночества сжимало сердце, а стыд за то, что она *такая*, колот душу.

«Ты не должна прятаться здесь, – говорила сама себе Стеша. – Ты приехала праздновать день рождения подруги и веселиться. Ты хочешь танцевать. Поэтому нужно быть смелой и снова выйти на танцпол». «Кто-нибудь снова начнет смеяться надо мной, ведь я так нелепо танцую», – говорил внутренний голос, тоненький и дрожащий. «Но не могу же я просидеть в стороне от остальных всю жизнь», – мысленно возразила себе девушка.

Собравшись с силами, она все же решила вернуться на танцпол, к Ярославе, которая, в отличие от нее, танцевала грациозно. Стеша видела, как парни посматривают на нее и даже пытаются познакомиться, но подруга словно никого не замечала. Она сохла по Игнату, который когда-то давно казался Стеше настоящим местным принцем, но со временем стал для нее каким-то надменным придурком, который сам не знал, чего хочет.

Стеша покинула вип-зал и остановилась на втором уровне, облокотившись на перила. В толпе танцующих она высматривала девчонок, но никого не видела. И куда они только пропали? Может быть, и Яра кого-то нашла? Стоп, а это не она? Стеша вдруг заметила, как какой-то парень с разноцветными прядями несет на руках девушку, подозрительно похожую на Ярославу. Она была то ли без сознания, то ли пьяна. Стеше стало нехорошо, и пульс застучал где-то в горле. Что случилось с ее подругой?! Ей стало плохо?

Она кинулась вниз, запнулась, едва не упала, но, не обратив на это никакого внимания, помчалась в ту сторону, в которой скрылся парень с Ярославой на руках. Однако тот пропал куда-то, исчез за чужими спинами. Стешу окружала танцующая толпа, и девушка понятия не имела, куда ей бежать. Она в панике проталкивалась то в одну сторону, то в другую, но нигде не видела того странного парня, который нес Яру.

– Эй, осторожнее, корова! – рывкнула на Стешу какая-то блондинка в мини-платье с блестками, когда она попыталась пройти мимо плотно стоявшей компании ближе к выходу. Ей вдруг подумалось – может быть, Ярославе стало плохо и ее вынесли на воздух? А может быть, вызвали «скорую»?

– Пошла ты! – огрызнулась Стеша, которой вдруг стало наплевать на стыд и страх – все мысли были только о подруге, и остальное ее не волновало.

Оттолкнув блондинку, которая крикнула ей что-то вслед, Стеша побежала к выходу. Очутилась в уже знакомом холле, оттуда выскочила на улицу и стала оглядываться по сторонам. Парня с Ярой на руках нигде не было, они словно исчезли. Едва не плача от бессилия, но ведомая каким-то предчувствием, Стеша помчалась в сторону парковки, и уже там увидела, как Ярославу грузят в какую-то машину два парня: тот, который ее нес на руках, и платиновый

блондин с татуировкой над бровью. Именно он, по рассказам подруги, когда-то приставал к ней. Яра как-то заметила его в толпе студентов и показала Стеше, а та запомнила.

Девушка кинулась к машине, но та сорвалась с места, и все, что Стеша успела сделать, так это сфотографировать номер. И растерянно замерла на месте.

– Очередную телку подцепили, – услышала она голос какого-то парня. Он тоже вышел из клуба и, кажется, был пьян.

– Что? В смысле? – быстро спросила Стеша.

– Ну, это Сейл и его дружбан, про них многие знают, они телок клеют, чем-то поят и увозят, – отозвался парень со знанием дела.

– З-зачем увозят? – со страхом спросила Стеша.

– Развлекаются. – Парень покачнулся. – Иногда видосы снимают.

У Стеши внутри все похолодело. Может быть, этот урод решил так отомстить Ярославе? Боже, и что теперь делать? Звонить в полицию?

– Слушай, а давай выпьем? – вдруг предложил пьяный парень и попытался ее обнять. – Люблю таких сочных девочек.

Стеша отшатнулась от него, как от прокаженного. Мужские прикосновения были для нее сродни пытке. И единственным приятным исключением, пожалуй, был Серж. Серж! Точно! Девушка вдруг вспомнила, что у нее есть номер Сержа, и набрала его дрожащей рукой. «Пожалуйста, пожалуйста, возьми трубку», – взмолилась Стеша про себя, слушая длинные гудки. Когда она решила, что Серж не ответит, в телефоне все-таки раздался его голос – чуть хриплый, со сбивчивым дыханием.

– Привет.

– Мне очень нужна твоя помощь! – выпалила Стеша.

– Что случилось? – тут же спросил он, видимо, по голосу понял – что-то произошло.

– Яру, кажется, опоили чем-то в клубе и увезли! – выкрикнула Стеша. – Тот парень, который приставал к ней как-то, с татуировкой над бровью! Я... Я не знаю, что делать! Мне кажется, они... они могут ее изнасиловать, пока она без сознания!

На глаза навернулись слезы, голос сорвался. Страх начал побеждать, и девушка запаниковала еще сильнее. Ее трясло от ужаса.

– Успокойся, Стефания. – Серж словно понял ее состояние, и его голос стал мягким. – Все будет хорошо. Где ты сейчас?

– Около клуба... Около клуба «Сияние», – нервно ответила девушка. – Яру отсюда забрали! А еще... Еще у меня есть номер машины, на которой ее увезли!

– Назови номер машины, – велел Серж.

А где-то на заднем фоне раздался женский голос:

– Милый, ты скоро? Я жду тебя... Кто тебе позвонил?

– Я занят, – коротко ответил Серж девушке, с которой, судя по всему, проводил ночь.

Стеша всхлипнула – на нее накатила новая волна страха, которая сковывала тело и отнимала речь.

– Назови номер. Стефания, ты слышишь? – повторил Серж.

Девушка включила громкую связь на телефоне и стала искать только что сделанное фото. Однако никак не могла найти его в галерее. Она заплакала от осознания, что снимок мог не сохраниться.

– Сейчас... Я не могу... Не могу найти, – прошептала она.

– Котенок, не переживай. – Голос Сержа звучал спокойно и даже нежно, и Стеше стало легче. А этот «котенок» и вовсе направил мысли в другую сторону. Ее никогда так не называли... – Мы сейчас все решим. Сделай глубокий вдох, теперь выдох.

Девушка послушно вдохнула ночной сырой воздух, выдохнула и снова стала искать фотографию. На этот раз нашла и срывающимся голосом продиктовала номер машины Сержу.

– Ты умница, Стефания. Оставайся там, где находишься, я позвоню тебе. Мы все решим, – пообещал Серж и отключился.

Минут пять Стеша провела на улице, сходя с ума от беспокойства. Она не знала, что делать, нужно ли звонить в полицию или же стоит положиться на Сержа? И что вообще случилось? Вдруг Яре навредят?! Она не простит себя за то, что не смогла спасти подругу. Никогда. Телефон в ее руке ожил – позвонил Серж.

– Сейчас на парковке появится Игнат, садись к нему в машину, – велел он.

– Что?.. – растерялась Стеша. – Игнат? А он как... откуда здесь?

– Просто садись в его машину. Он знает, куда ехать. Хорошо?

– Х-хорошо...

– Обещаешь?

– Да...

– Вот и умница. Жди его, – сказал Серж и отключился.

Спустя буквально минуту на парковке появился Елецкий, лицо которого показалось Стеше бледным и злым – в нем было столько едва сдерживаемой ярости, что ей стало не по себе. Он выглядел так, словно готов был убивать.

– За мной, в машину – кинул он Стеше сквозь зубы.

Девушка без слов бросилась за ним, села на заднее сиденье его крутой машины, и та тут же сорвалась с места. Ехал Игнат быстро – так, что Стешу вжимало в сиденье. Она смотрела на руки парня, яростно сжимавшие руль, будто горло врага, но вместо того, чтобы испугаться еще сильнее, почувствовала себя спокойнее. Он точно спасет Ярославу. Это же Игнат Елецкий. Самый крутой парень их университета.

– Откуда ты здесь? – потрясенно спросила Стеша.

– Приехал повеселиться, – отрывисто ответил Игнат, глядя вперед.

– Из-за Яры? – вдруг догадалась девушка.

Он, наверное, услышал, куда они поедут, и отправился следом... Чтобы проконтролировать Ярославу? Или чтобы убедиться, что с ней все хорошо?

– Из-за Яры, – не стал отпираться Игнат и ударил кулаком по панели управления. – Знал же, что такое дерьмо случится! Знал! Вот скотина, убью!

– Яру? – испугалась Стеша.

– Ублюдка Сейла, – прорычал он. – Шею сверну паскуде. Отрежу все, что болтается, и ему же скормлю, если эта тварь ее тронет.

Стеша вдруг подумала, что Елецкий не шутит. Если эти мрази что-то сделают с Ярославой, он этого не оставит. Отомстит. У Игната зазвонил телефон.

– Говори, – потребовал он, ответив на звонок. – Все, понял, я уже близко. Еще несколько кварталов и буду на месте. – Елецкий отключился и велел Стеше: – Найди на карте Дворецкий проспект, восемнадцать. Включи навигатор, мне надо знать, как проехать.

Девушка тотчас выполнила его поручение – страх не отпускал ее, но стало гораздо спокойнее от осознания, что Ярославе помогут.

– А что там? – тихо спросила Стеша, почему-то думая, что Елецкий не ответит, но он сказал:

– Адрес Сейла, он туда обычно возит девушек. Серж пробил через своих знакомых.

– Через двести метров, на светофоре, поверните направо, – произнес мужской механический голос навигатора, и Игнат перестроился на крайнюю полосу. На светофоре, правда, он не стал задерживаться – проскочил на «красный». Он вообще нарушил кучу правил дорожного движения, но Стеша была уверена, что ему все равно.

– А зачем ты меня с собой взял? – спросила она. Тишина угнетала.

– Серж сказал, чтобы я тебя не оставлял одну, – отозвался Елецкий, поворачивая.

Стеша прикусила губу. Серж заботится о ней? Почему?.. На сердце стало теплее.

– Нам сейчас налево поворачивать, – торопливо сказала она, глядя в экран телефона.
– А потом снова направо, и мы заедем во дворы... Слушай, а что это у тебя? – вдруг спросила Стеша, глядя на его запястье, которое было перетянuto резинкой-пружинкой для волос. Вполне знакомой. Это что, резинка Яры?

– Ничего, – отозвался Игнат, пряча резинку под рукав кожаной куртки.

Спустя несколько минут они остановились у элитной высотки, в которой жил Сейл. Стеша тут же отыскала взглядом машину, на которой увезли Ярославу, – она была припаркована неподалеку, подперев при этом чей-то автомобиль. Впрочем, Игнат тоже не стал искать место, где припарковаться. Просто бросил машину посреди дороги – дорога была каждая минута. Он вышел из салона и стремительно направился к калитке – двор был огражден высоким забором. Стеша бросилась за ним, но Игнат обернулся и, сдвинув брови, приказал:

– Оставайся в тачке.

– Не хочу, – воспротивилась Стеша.

– Спорить будешь?

– Там моя подруга! А вдруг они что-нибудь ей сделают?! – воскликнула она. – Я с тобой, понятно?..

– О'кей, как знаешь, – отозвался Игнат и стал наугад набирать номер квартиры.

Им ответили, но не сразу.

– Кто еще? – раздался недовольный женский голос. Еще бы, разбудили посреди ночи!

– Полиция, – ответил Игнат. – Откройте, мы на вызов приехали.

Женщина поверила, и замок щелкнул. Игнат и Стеша оказались на придомовой территории и помчались к подъезду. Игнат бегал быстро, а вот Стеша – не очень. Когда она догнала парня у подъезда, им уже снова открыли дверь – трюк Игната с полицией опять сработал.

Они вошли в огромный красивый холл с лавочками и живыми цветами, а из-за стойки тутчас появилась пожилая консьержка.

– Вы к кому, молодые люди? – чинно спросила она.

– Девяносто шестая квартира, – бросил Игнат, нажимая на кнопку лифта. Судя по настенной табличке рядом, девяносто шестая квартира находилась на тринадцатом этаже. – Хозяин же дома?

– Антон? Он буквально пять минут назад с другом и подругой вернулся. Вы ему скажите, пожалуйста, чтобы снова не включал музыку громко, соседи жалуются, – попросила консьержка. – А то он меня не слушает. А жильцы недовольны.

– Скажем, – коротко пообещал Игнат и первым шагнул в лифт, створки которого распахнулись. Стеша юркнула следом за ним.

Еще полминуты, и они оказались на тринадцатом этаже. Игнат быстро нашел девяносто шестую квартиру и позвонил, велел Стеше отойти в сторону. Его лицо казалось спокойным, но та ярость, которая исходила от парня, начала пугать. Глаза казались словно стеклянными, а кулаки были крепко сжаты, и наблюдательная Стеша вдруг подумала: Игнат беспокоится за Ярославу так, будто она или реально его младшая сестра, или любимая. Наверняка второй вариант.

Елецкий позвонил еще раз. Потом еще. И еще. И еще. А затем, словно услышав какие-то шорохи, уверенно и с каким-то угрожающим спокойствием сказал:

– Если ты мне, гаденыш, сейчас не откроешь, я выломаю дверь. Не смогу сам – дождусь людей отца, они в пути. А потом я тебя изобью так, что ты не сможешь двигаться. Возможно, никогда. И трахаться ты никогда не сможешь, потому что я тебя лично кастрирую. Уяснил? Ты же знаешь, что я не шучу. Открой, и я тебя не трону.

Стеша сглотнула. Ей снова стало страшно, но убегать она не собиралась. Яру нужно спасти! Иначе какая она подруга? Слова Игната подействовали. Спустя минуту дверь скрипнула и все же открылась. Игнат резко дернул ее на себя и ворвался в квартиру.

Глава 2. Я спасу тебя

– Раздевай ее, Геныч, – велел Сейл, возясь у камеры, – аппаратуру нужно было правильно настроить.

Его друг с цветными прядями в волосах скинул с себя футболку, обнажая подтянутый торс, забитый татуировками. Он нагнулся к лежавшей без сознания Ярославе и погладил ее по волосам. Словно почувствовав это, девушка пошевелила пальцами, но в себя не пришла. Парень погладил ее по щеке, коснулся приоткрытых губ, провел по ним средним пальцем. Легонько сжал ее подбородок, заставляя рот открыться чуть шире и дотронулся пальцем до языка. На его лице расцвела довольная ухмылка.

– А она ничего, да, Сейл? Мне, правда, телки пофигуристее нравятся, у этой буфера маленькие, но ничего. Зато ножки длинные. И волосы обалденные. Да, детка? – проговорил Геныч, глядя девушку по плечам и касаясь груди. – Тебе понравится. Даже жаль, что не вспомнишь потом.

– Раздевай ее, говорю, – поморщился Сейл.

Он был недоволен – они выбились из графика, слишком долго девка танцевала и не подходила к бару. Честно говоря, ему вообще казалось, что сегодня ничего не получится и придется выслеживать ее в следующий раз. Снова платить ее подружке, чтобы притащила в клуб. Но все-таки удалось подсыпать ей немного «волшебства» в бокал. Волшебством они с другом называли порошок, который позволял сделать доступной любую девушку. Всего-то нужно подмешать его в напиток. Кто-то, как Ярослава, терял сознание, а придя в себя утром, ничего не помнил. Кто-то находился в измененном состоянии сознания, понимая, что с ней делают, но не в силах сопротивляться. Для Сейла это было веселое развлечение – девушек он особо и за людей не считал. А потом оно переросло в заработок. Иногда они с другом снимали видео и продавали на платформы с контентом «восемнадцать плюс». Разумеется, это был Даркнет, где подобные реалистичные видео имели почитателей. И деньги капали неплохие. Только вот с сестренкой Елецкого все было иначе. Сейл хотел отомстить, а возможно, и начать шантажировать Игната, который прилюдно его унизил.

Геныч стянул с Ярославы кофточку – она осталась в телесного цвета лифчике и облегających джинсах.

– Скрамница, – проговорил он, касаясь лямок. – Я-то думал, у нее красивое бельишко. С кружевом и сеточкой. Ну ничего, скрамницы мне тоже нравятся.

Пока Сейл, тихо матерясь, продолжал настраивать камеру, Геныч, то и дело поглаживая Ярославу по обнаженному животу, начал расстегивать ремень, потом – пуговицу и ширинку. Начал было стаскивать с нее джинсы, продолжая умиляться ее белью.

– Такая невинная, – пробормотал он, любуясь ее бедрами. – Я ее уже хочу, чувак. Настройвай быстрее, у меня уже полная боевая готовность. – С этими словами он коснулся паха и захохотал, довольный собственной шуткой.

– Да сейчас, – отозвался Сейл.

– Слушай, а кто она? – спросил Геныч, продолжая медленно стягивать с Ярославы узкие джинсы. Он будто бы кайфовал от этого процесса, предвкушая дальнейшее.

– Сестра Елецкого, – раздраженно бросил Сейл.

Геныч резко убрал руки от девушки – джинсы так и остались спущены до бедер.

– Серьезно?.. Зачем тебе с ним связываться? – с испугом спросил Геныч.

– Эта тварь меня опозорила перед всеми, – усмехнулся Сейл. – Думает, что самый крутой. Но ничего, я его поставлю на место. Давай, продолжай ее раздевать, чего застыл. Или забыл, как штаны с телок снимаются?

– Я не хочу связываться с Елецким, – занервничал его друг. – А если он...

– Что если?! – повысил голос Сейл. – Ничего этот козел не сделает!

И в этот момент раздался звонок в дверь. Долгий и требовательный. Парни переглянулись.

– Ты кого-то ждешь? – спросил Геныч.

– Никого, – мотнул головой Сейл.

– Тогда кто это?

– Без понятия.

Еще один звонок. Парни занервничали.

– Иди посмотри, кто это, – велел Сейл, возясь с камерой. – Если тупорылые соседи или бабка-консьержка, шли на хрен.

Геныч с сожалением оставил Ярославу и отправился в прихожую. На экране видеоглазка, встроенного в стену, он увидел того, кого так боялся. Игната Елецкого. И хотя их разделяла дверь, парень вдруг испугался. Весь его боевой настрой моментально исчез, глаза забежали из стороны в сторону. Снова звонок. Едва не подпрыгнув от неожиданности, Геныч побежал в комнату – Сейл, наконец, установил камеру, как нужно, и стоял рядом с кроватью, на которой лежала девушка. Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

– Кто там? – лениво спросил он друга.

– Елецкий! – выпалил тот.

– Что?.. – не поверил Сейл. – Ты гонишь?

– Отвечаю, это он, – хрипло ответил Геныч.

И опять звонок. Настойчивый. Сейл заспешил в прихожую и нервно сглотнул – за дверью действительно стоял Игнат. Сейл нажал на кнопку звука в видеозвонке, и Елецкий, поняв это, заговорил. Велел открыть – пообещал не трогать. Он явно знал, что его сестра у них, и не собирался уходить без нее. Парни в ужасе переглянулись.

– Что делать будем, чел? – зашептал Геныч, нервно сжимая свой телефон.

– Не будем открывать. Типа никого дома нет, – принял решение Сейл. Ему страшно было оказаться лицом к лицу с Елецким. Убьет же.

– Ему бабка наверняка сказала, что ты в квартире! Давай откроем. Он же сказал, что не тронет.

– Ты ему веришь?! Не будем открывать. Он ведь больной!

– А зачем ты тогда с его сестрой связался?! Сам в заднице и меня за собой потянул, – огрызнулся Геныч.

– Пошел ты. Свалит. Ничего нам не сделает, – неуверенно ответил Сейл. – Дверь крепкая. А если вызовет людей своего бати, то я ментам позвоню. Телку оденем и скажем, что она по доброй воле с нами поехала. Точно! Они ничего не докажут!

Он торопливо отправился в комнату, а Геныч, решив, что собственная шкура дороже, открыл дверь. Подумал, что ему зачтется, и Игнат весь свой гнев обратит на Сейла. Дверь распахнулась, и в квартиру буквально ворвался Елецкий. Увидев Геныча, он прищурил глаза и схватил его за горло. Геныч не считал себя слабым парнем, но Елецкий обладал такой силой, что он даже не смог вырваться.

– Где она? – прошипел Игнат.

– В комнате слева, – с трудом выдавил Геныч, и Игнат, с размаха ударив его по лицу, бросился в спальню. От удара Геныч потерял сознание.

Игнат ворвался в спальню в тот момент, когда Сейл сидел на кровати рядом с Ярославой, возясь с ее джинсами. Девушка была без сознания, когда эта мразь касалась ее, и от увиденного в душе Игната стало зарождаться что-то черное, страшное, древнее. Ненависть. Ярость. Боль. Желание защищать. Стремление уничтожить. На мгновение Игнат застыл, чувствуя, как гнев

разрывает сердце на части. Он убьет его. Еще мгновение – и убьет. Сейл, видимо, решил, что в комнату вошел Геныч, и, не поворачиваясь, сказал:

– Давай быстрее ко мне, поможешь.

– Помогу, – ласково согласился Игнат, перед глазами которого стояла алая пелена.

Переставая осознавать действительность, он бросился к Сейлу, схватил его, повалил на пол и начал бить. До крови, до криков, до пузырящихся слюней изо рта противника. В каждом его ударе была та самая ярость, которая охватила Игната, стоило ему узнать от Сержа, что с *его Ясей* приключилась беда. Не зря он поехал в этот клуб – хотел присмотреть за ней. Будто чувствовал что-то. Поэтому не хотел отпускать. Но не мог же сказать ей – не ездят! У нее день рождения. А он так и не вручил ей подарок, что лежит в столе.

– Умоляю... Не надо... Пожалуйста... – выдохнул Сейл, закрывая голову руками. Сопротивляться он не мог – силы были неравными.

Вместо ответа Игнат повалил его на пол, оседлал и начал бить по лицу. Он даже говорить не мог от ярости. Лишь тяжело дышал через рот, чувствуя тяжелый запах крови.

– Остановись, пожалуйста, – раздался вдруг женский голос за спиной.

Если бы голос был мужским, Игнат не обратил бы внимания. Но на женский среагировал. Он повернулся. Позади него стояла подружка Ярославы и смотрела со страхом. Это немного вернуло его в реальность.

– Хватит, Игнат, – проговорила она. – Ты его убьешь. Я тебя очень прошу... Остановись. Ради Яры.

В это мгновение Ярослава слабо застонала, и Игната вдруг отпустило. Он встал, оставив хнычущего Сейла в покое, подошел к девушке и еще раз оглядел – кажется, они не успели раздеть ее. Значит, не тронули.

Вместо ярости на него нахлынули нежность и боль. За что ей это? За что они с ней так? Из-за него? Хотели отомстить? Это он виноват. Он.

Игнат опустился на кровать, осторожно натянул джинсы на Яру и взял ее на руки. Еще одна волна нежности опалила сердце.

– Идем, – сказал он ее подруге.

– А этот?.. – кивнула она на Сейла.

– А этот подождет дома гостей. – недобро усмехнулся Игнат. – Да, Сейл?

– К-каких? – выдавил тот испуганно.

– Которые расскажут, как нужно вести себя с девушками.

Игнат положил Яру на кровать и подошел к Сейлу. Тот тут же закрыл лицо рукой, испугавшись, что его будут бить. Но Игнат не стал делать этого.

– Ремень, – коротко велел он.

– Что?..

– Снимай ремень.

Сейл выполнил приказ, и Игнат, брезгливо морщась, стянул его запястья ремнем и привязал к ножке кровати. Затем снова взял Ярославу на руки и вместе со Стешей покинул квартиру, закрыв в ней Сейла. Геныча уже не было – он сбежал, бросив друга.

– А что с Ярой? – спросила испуганно Стеша в лифте, не чувствуя, как ее колотит. – Когда она проснется?

– Наверное, через несколько часов, – ответил Игнат. – Не знаю, какую дрянь они ей дали. Но если это то, о чем я думаю, то нужно еще подождать.

Они вышли из дома и направились к машине. Игнат положил Ярославу на заднее сиденье, коснулся ее волос, сглотнул, увидев, как она что-то бормочет в своем сне.

– Малышка, – тихо произнес он. – Все хорошо.

Ее подруга, кажется, услышала это, но ему было все равно. Спустя четверть часа к дому подъехала еще одна машина, из которой вышли Серж и с ним трое парней. Они обменялись с Игнатом рукопожатиями.

– Остыл? – тут же спросил Серж, который хорошо знал лучшего друга. – Никого не убил?

– Все в порядке. Почти, – уклончиво отозвался Игнат.

– С Ярославой все в порядке?

Серж заглянул в салон машины, где спала девушка. В его глазах читалась тревога.

– Вроде бы да, но, наверное, нужно, чтобы ее осмотрел врач, – нахмурился Игнат. Он переживал.

– Отвези ее к моему отцу, – сказал один из приехавших парней. – Я его предупрежу. Пусть посмотрит. Адрес в сообщении пришлю.

– О'кей, – кивнул Игнат. – Вы пока поднимитесь в квартиру, там этот ублюдок вас ждет.

– Я разберусь, – коротко сказал Серж, не отрывая взгляда от Ярославы – дверь салона была открытой, чтобы она могла дышать свежим воздухом.

– Его дружок сбежал, найти нужно. И раз ребята так любят снимать видео, нужно сделать с ними что-нибудь интересное, – произнес Игнат с намеком.

– Мне нравится твоя фантазия. – приподнял бровь Серж – Отвези Ярославу к доктору, а я обо всем позабочусь.

Друзья синхронно улыбнулись – они часто понимали друг друга без слов.

– Ты в порядке?

Серж вдруг заметил Стешу, которая держалась в стороне. На ее лице появилась жалкая улыбка.

– Да, спасибо большое за помощь, – пролепетала девушка.

– Ты молодец, – сказал Серж с улыбкой. – Спасла подругу.

– Это не я, это вы с Игнатом...

– Нет, это сделала ты, Стефания. Увидела, что ее уносят. Запомнила номер машины.

– Он все равно вам не пригодился, – отозвалась Стеша. – Ты же адрес как-то иначе пробил...

– Они могли поехать не на квартиру, а в другое место, – нахмурился Серж. – Так что не умаляй своих заслуг. Игнат, довези ее до дома, хорошо?

– Довезу, – пообещал Игнат.

– Я надеюсь на тебя. Идемте, парни.

Игнат кинул Сержу ключи, которые предусмотрительно забрал из дома Сейла, и парни направились к калитке. А Игнат и Стеша сели в машину. Теперь Елецкий не гнал, как сумасшедший, по ночным дорогам. Он ехал спокойно, словно боясь навредить Яре, а Стеша выполняла роль его штурмана – снова забила адрес частной круглосуточной клиники, где работал отец одного из парней. Ярославу осмотрели, решили оставить в клинике на ночь, поставили капельницу. Игнат же, поняв, что девушка в надежных руках, повез Стешу домой. Ее уже не трясло от ужаса, хотя вдоль позвоночника то и дело пробегал холодок. Эта ночь, наверное, навсегда останется в ее памяти. Сам Игнат тоже успокоился – его ярость пропала, затаившись в глубинах сознания. Костяшки пальцев были сбиты – только в больнице он отмыл кровь.

– Я думала, что ты придурок, – вдруг сказала Стеша, когда они въехали в ее район.

– Интересно, – поднял бровь Игнат. – Почему это?

– Потому что ты вел себя так... Как придурок, – выпалила она, хотя раньше, наверное, никогда и не думала, что сможет сказать такие слова самому Игнату Елецкому. А теперь не сдержалась.

– Спасибо, – поблагодарил ее Игнат со смешком. – А теперь обоснуй.

– Ярослава... – Стеша прикусила губу. – Она тебя... – Девушка запнулась, но все же договорила: – Короче, ты ей нравишься. Очень. А если она нравится тебе, не веди себя так.

– Как? – спокойно спросил Игнат, продолжая рулить.

– Так, будто даешь ей надежду на что-то. Либо будь с ней, либо отпусти. Не играй с ее чувствами, – тихо сказала Стеша. – Я безумно благодарна тебе за ее спасение... Но я не могу не сказать тебе этого, ведь она моя лучшая подруга. И я хочу защитить ее от боли.

– Думаешь, я причиняю ей боль? – усмехнулся Игнат.

– Я это знаю. Она очень хорошая, правда. И ей больно, когда ты ведешь себя так – то даешь надежду, то отдаляешься. Определись.

– Звучит легко, – вырвалось у Игната. – Но спасибо. Хотя сейчас я меньше всего хочу играть с ее чувствами. Наверное, ты права. Просто... Я не всегда могу себя сдерживать.

Зачем он говорил все это ее подруге, Игнат не понимал. Слова сами срывались с его губ. Он действительно сильно устал.

– Понимаю, – вздохнула Стеша. – Но все же... Определись, правда. И не говори Яре о том, что я сказала. Она обидится.

– Не скажу. Этот дом?

– Следующий, нужно направо повернуть...

Игнат довез Стешу до дома, проводил до лифта, а когда его створки уже закрывались, девушка вдруг сказала:

– А может быть, ты и не такой придурок!

Игнат хотел ответить ей что-нибудь, но не успел – подруга Яры уже поехала наверх. А он, усмехнувшись про себя, отправился к машине. По дороге ему позвонил Серж и сказал, что его знакомые поймали дружка Сейла – типа по прозвищу Геныч. И привели в квартиру. Игнат был уверен – друг сумеет преподать уродам хороший урок. Это с девочками он обходительный и нежный, а таких тварей не прощает. Впрочем, Игнат тоже не собирался никого прощать.

Глава 3. Пробуждение

Между тем, как я провалилась во тьму, и тем, вынырнула из нее обратно, прошло всего лишь несколько секунд. Я распахнула глаза, но вместо лиц похитителей увидела белый потолок, по которому скользил золотистый солнечный луч – за окном светало, и небо на горизонте заливало теплыми рассветными красками. Ужасно болела голова, глаза слезились, а во рту было так сухо, что, кажется, потрескались губы.

С трудом приподнявшись на локтях, я огляделась – комната, в которой я оказалась, была чем-то средним между больничной палатой и номером отеля. Однако не это заставило меня перестать дышать. А то, что рядом со мной на стуле сидел Игнат. Он спал, уронив голову на плечо, и при этом держал меня за руку. Я поняла это не сразу – лишь когда увидела, и почему-то улыбнулась. Хотелось привстать и дотронуться до Игната. До его волос или лица... Откуда он здесь? И вообще, что это за место? Что произошло вчера?

Едва я подумала об этом, как вспомнила все. Клуб, парня за барной стойкой рядом, платинового блондина, который приходил извиняться... То, как мне стало плохо, и я начала терять сознание. Страх окатил меня с головы до ног, но почти тут же исчез, оставив после себя разедающую тревогу. Значит... Они ничего не успели мне сделать? Я прислушалась к ощущениям в теле, пытаюсь понять, все ли со мной в порядке, не болит ли нигде? Кажется, все было хорошо. Наверное, если бы они... Если бы они что-то сделали со мной, применили насилие, я бы почувствовала. Но вроде бы все хорошо, только голова болит, жуткая слабость и пить хочется. А еще дискомфорт в сгибе локтя, будто бы мне делали укол. Я перевела взгляд в сторону и увидела капельницу, к которой была подключена. Вот что, я под капельницей. А Игнат? Он меня спас? Поэтому он здесь, со мной?

Слабость вдруг стала невыносимой. Я бессильно упала на постель – меня снова потянуло в сон, и как бы я ни сопротивлялась, тьма снова утащила меня к себе. Последнее, что я видела, – золотистый луч на потолке.

Когда я проснулась во второй раз, Игната рядом не было, а за окном уже ярко светило солнце. Капельницы тоже не было, и голова, кажется, болела меньше, зато тошнило. Я попыталась подняться, и не сразу, но мне это удалось. Свесила ноги с кровати, встала на прохладный пол и пошла к двери. Открыла, увидела больничный коридор со множеством палат и несмело направилась по нему. Меня заметила медсестра, подбежала, отвела обратно и привела доктора, который осмотрел меня, позадал какие-то вопросы и заключил, что со мной все более-менее хорошо.

– А что вообще случилось? – беспомощно спросила я.

– Не помните? – внимательно посмотрел на меня доктор. – Вас привезли ночью в бессознательном состоянии после приема некоего вещества, которое подмешивают в напитки женщинам с целью воспользоваться их беспомощностью, – объяснил он, явно пытаясь смягчить формулировку.

– «Наркотик изнасилования», да? – хрипло произнесла я, все прекрасно понимая. Было мерзко и стыдно.

Он кивнул.

– К счастью, ваш брат подрос вовремя. Вы не пострадали от действия злоумышленников, – все таким же корректным тоном сказал доктор. – Мы поместили вас под капельницу и договорились отпустить днем. Пока что побудете под нашим наблюдением.

– Хорошо, – согласилась я, понимая, что деваться некуда. – А мой... брат, он где?

– Скоро навестит вас, пока что отдыхайте, – услышала я и осталась в палате одна – но буквально на пару минут. Пришла медсестра – улыбающаяся женщина с черными, как смоль, волосами, принесла воду и поднос с едой, на которую я и смотреть не могла. Потом поставила

мне еще одну капельницу, повеселила медицинскими шутками и ушла, оставив меня наедине с тяжелыми мыслями. Слава Богу, она принесла мне мой телефон, и я написала маме, что осталась у Стеши, а подруге отправила сообщение, что у меня все хорошо. Хотя хорошего было мало — ужасно тошнило, а голова болела так, будто готова была расколоться. Зато от Стеши я узнала, что Игнат приехал вслед за нами в клуб, а поэтому смог найти меня так быстро, буквально по горячим следам. Я слушала голосовые Стеши и понимала, что это настоящее чудо — то, что она заметила, как меня увозят, то, что Игнат оказался рядом, и в итоге я не пострадала.

Днем за мной действительно приехал Игнат. Я сидела на подоконнике и рассматривала верхушки облетающих крон, когда он зашел в палату без стука, заставив меня вздрогнуть. Подошел к окну и обнял меня без слов. Одна его ладонь была у меня на плече, второй он гладил меня по затылку. Стало гораздо спокойнее, и меня изнутри словно осветило солнечным светом. В эти секунды Игнат был таким, каким я его полюбила: мягким, нежным и заботливым.

— Спасибо, — сказала я, уткнувшись носом ему в грудь и чувствуя знакомый тонкий аромат хвои и кашемира с нотками дыма. — Если бы не ты...

— Если бы не я, этого бы не произошло, — вдруг отпустил меня Игнат. — Сейл хотел отомстить мне. Ур-р-род. — Его глаза вспыхнули яростью, но она тотчас рассеялась. — Я виноват перед тобой. Прости.

Мне было странно слышать то, как Игнат Елецкий извиняется. А где его гордость и самолюбие? Неужели он смог побороть их? Ради меня?..

— Это не так. Ты ни в чем не виноват, — сказала я тихо. — Ты спас меня. И я благодарна тебе. Безумно благодарна. Если бы не ты... Не знаю, что бы со мной случилось. Спасибо, Игнат.

— Повтори, — вдруг попросил он, глядя меня по щеке. Его янтарные глаза блестели.

— Спасибо? — улыбнулась я, не отрывая взгляда от его лица.

Он тоже улыбнулся — уголками губ.

— Нет, глупая. Имя. Мне нравится, когда ты называешь меня по имени таким тоном.

— Каким же? — снова спросила я, тая от его прикосновений.

— Таким, словно я что-то для тебя значу.

Я закинула руки ему на плечи, обтянутые тонким свитером, и произнесла его имя — несколько раз, и каждый раз все тише и тише, потому что он постепенно склонялся ко мне, словно желая поцеловать.

— Игнат. — *«Моя ненависть стала любовью»*. — Игнат. — *«Но любить тебя так больно»*. — Игнат... — *«Когда ты рядом, на меня будто небо падает со всеми его звездами»*...

В четвертый раз я произнести не успела — его губы накрыли мои губы так мягко и нежно, что мои глаза сами собой закрылись, и я инстинктивно потянулась ему навстречу, желая углубить этот поцелуй так сильно, насколько только возможно.

Целовались мы самозабвенно и чувственно до прихода доктора, который сделал вид, что ничего не заметил. Он дал несколько наставлений и отпустил меня домой. Я вышла на улицу, слегка покачиваясь от слабости, и Игнат, поняв это, придерживал меня за плечо. Он открыл передо мной дверь своей машины, дождался, когда я сяду, и только тогда опустил рядом на водительское кресло. Мы поехали домой, и по дороге он сказал мне, что я могу не волноваться — родители ни о чем не знают.

— Если хочешь, можем пойти к ментам, — с сомнением в голосе произнес Игнат.

— Нет, — покачала я головой. — Я думала об этом, но нет... С одной стороны, этих мразей нужно наказывать, чтобы они больше ничем таким не занимались. А с другой... Ничего не доказать. Они ведь не успели ничего сделать. И мне... стыдно. Очень. Как будто я сама какая-то грязная, совратила их.

— Это не твоя вина, сказал же, что моя.

Игнат почему-то крепче вцепился в руль, и костяшки его пальцев выступили сильнее. А я только сейчас заметила, что на правой руке они сбиты.

– Это потому что ты дрался, да? – тихо спросила я.

– Дрался? – усмехнулся он. – Дратся – это когда на равных. Я просто бил. Если бы не твоя подруга, ему бы плохо пришлось. Она меня остановила.

– Стеша? – удивленно переспросила я.

– Да. Твоя Стеша заботится о тебе. Пошла вместе со мной в квартиру к этим уродам, – вдруг сказал Игнат. – Смелая, хотя по ней и не скажешь. Хороших друзей надо беречь. Их мало.

Я улыбнулась. Стеша действительно была смелой девочкой. Сильной и смелой, хотя сама этого не осознавала.

– А насчет наказания ты не беспокойся, – продолжал Игнат. – Раньше они делали интересные видео и продавали их или шантажировали жертв. А теперь сами стали актерами. Главными.

На его лице появилась ухмылка.

– Что ты хочешь сказать? – удивилась я.

– Ты же поняла. Но это было добровольно. Они согласились в обмен на то, что их простят, – расплывчато ответил Игнат, и его глаза снова нехорошо сверкнули.

– Они что, переспали на камеру?! – воскликнула я, а Игнат весело захохотал.

– Нет же, Яся! Они дали признание на камеру, а Серж все снял. Но мне нравится твоя идея! Ты кровожадная.

– Вот оно что... Стоп, как ты меня назвал? – удивилась я.

На пару секунд в салоне повисла тишина – был слышен только двигатель.

– Яся, – наконец, повторил Игнат.

– Яся? – переспросила я удивленно.

– Мне кажется, тебе идет. Звучит мило, – ответил он, глядя на дорогу, но мне показалось, что он смущен. – Ладно, не буду тебя так называть. Забей.

Я хотела ответить ему, но Игнат включил музыку – тихо, словно понимая, что громкая музыка разорвет мою голову на части. И всю оставшуюся дорогу мы молчали, думая каждый о своем. Странно, но находится в салоне его машины и видеть, как он ведет ее, мне нравилось – это странным образом успокаивало. А еще казалось, что мы оба сейчас растеряны и не понимаем, что происходит.

– А почему ты поехал за мной в клуб? – собравшись, все же невинным тоном спросила я.

– Захотел и поехал, – ответил Игнат.

– Ты волновался обо мне?

В моем голосе появилось женственное лукавство, которое я сама от себя не ожидала. Рядом с ним мне хотелось быть девочкой. Игнат повернулся ко мне. Его взгляд был испытывающим.

– С такими подружками было бы странно отпускать тебя в клуб, – вдруг сказал он.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я, готовая защищать девчонок до последнего.

– Я не про твою Стешу. Про двух других. Без понятия, как их зовут. Ты ведь понимаешь, что они специально позвали тебя в этот клуб? – спросил Игнат с отвращением. – Когда они были у нас, я слышал их разговор. Случайно.

– И что они говорили? – похолодевшими губами спросила я, понимая, что сейчас узнаю что-то плохое.

– Что сегодня хороший шанс затащить тебя в клуб. А потом что-то про бабки – я не слышал. Но заподозрил неладное. Сначала не хотел ехать, а потом все-таки сорвался. Только все равно не смог вовремя тебя защитить. – Теперь в его голосе слышалась боль. – Пока искал, тебя уже опоили и утащили. У них была отработанная схема. Все вокруг просто считали, что девушка пьяна, и эти твари утаскивали ее.

– Может быть... Тебе просто показалось? – едва выговорила я.

– Нет. Потом Сейл признался, что заплатил твоим подружкам. Чтобы они притащили тебя в этот клуб. Решил, что день рождения – отличный повод. И у него выгорело. Твои подружки продали тебя дешево. Могли бы поторговаться.

От этих слов мне стало плохо. Меня предали те, кому я верила. Мои друзья.

– Перестань, – погасшим голосом попросила я. – Не будь таким жестоким.

– Я просто говорю о том, что было. Они недостойны быть твоими подругами. Завтра устрою им веселую жизнь, – вырвалось у Игната.

– Не надо, – попросила я. – Сама с ними разберусь.

– Ты уверена?

– Да, уверена. Сама.

– Как хочешь.

Машина заехала на территорию поселка – охрана легко пропустила нас, и уже вскоре мы подходили к дому. Когда нам оставалось несколько метров до крыльца, я несмело тронула Игната за руку. Едва заметно вздрогнув, он обернулся.

– Что?

– Я так и не поблагодарила тебя. Спасибо, что спас, – тихо сказала я. Со всей признательностью, на которую была способна.

Игнат улыбнулся – устало, но искренне, словно почувствовав мою благодарность.

– Не за что. Обращайся.

– Если тебе понадобится моя помощь, ты тоже можешь обращаться. Я верну долг, обещаю, – твердо сказала я.

Снова улыбка, и снова ямочки на щеках, в которые по-детски захотелось ткнуть пальцем.

– Буду знать, – кивнул Игнат. – Если будут проблемы с курсовой, обращусь.

– Эй, но я же журналист! – возмутилась я. – В твоих предметах я не разбираюсь!

– Шучу, – весело рассмеялся он. – А ты не раскидывайся обещаниями направо и налево. Твоего «спасибо» было вполне достаточно. И да, еще кое-что. – Его пальцы замерли на ручки входной двери, будто бы Игнат не хотел входить в дом, пока не скажет это.

– Что?

– Вчера я не отдал тебе подарок. Но он ждет тебя в библиотеке. С днем рождения. И будь счастлива.

От этих слов я оторопела, но ничего не успела ответить – Игнат рванул за ручку и оказался внутри. Ускорил шаг и скрылся за одной из многочисленных дверей особняка, оставив меня в растерянности, впрочем, очень приятной. Я даже о головной боли и тошноте забыла – так меня заинтриговали его слова. Ничего не понимая, я направилась в библиотеку и действительно нашла подарок – большой фирменный пакет с логотипом известного бренда. В нем лежала коробка с ленточками, а уже в ней находилась небольшая красивая сумка из темной кожи какого-то совершенно невероятного качества. Со стильным съемным ремнем, идеальными строчками и серийником, который подтверждал, что передо мной оригинальная вещь. Я сразу поняла, что сумка дорогая, но когда нашла ее в официальном интернет-магазине французского дома моды, мне стало плохо. Я все еще не привыкла к деньгам, которые были у Елецких.

Забрав подарок в свою комнату, я долго сидела на кровати, пытаюсь понять, как мне быть дальше. Как общаться с Игнатом? Все так же пытаться выбросить его из головы или не противиться своей любви. Я помнила, как он был против свадьбы отца, как вел себя, как пытался опорочить мою маму. Но также помнила и то, как он спасал меня, – в универе, на свадьбе, сегодня ночью. Как заснул, сидя у моей кровати. Я растерялась и не знала, как себя вести, не понимала, что будет дальше. Но написала Игнату два сообщения. Первое: «Спасибо за пода-

рок! Это очень мило». И второе: «Если хочешь, можешь называть меня Ясей». Но Игнат не читал и не отвечал.

Весь оставшийся день я провела в своей комнате. Мне все еще было нехорошо после драки, которую подмешали в стакан, и, подозреваю, было бы еще хуже, если бы не капельницы в клинике, куда меня привез Игнат. Чувство стыда тоже не покидало – словно это я была виновата в похищении. Еще и ярость появилась – на Риту и Окс, предавших меня. Где-то в глубине души оставалась слабая надежда, что это не так, что Игнат неправильно понял (снова!), что придумал, что... Этих что было очень много, и я твердо решила для себя завтра поговорить с девочками и выяснить правду. Я не знала, как буду вести себя с ними, но точно знала, что предательства не прощу.

Мама и Костя, конечно же, ничего не узнали. Они вернулись домой, свежие и бодрые, и расспрашивали меня о том, как я провела день рождения. Я лгала им с легкой улыбкой, что все прошло замечательно, но мама заметила, что мне нехорошо. Правда, связала все с алкоголем – решила, что я перебрала, а сегодня отхожу, и пожурила. А Игната я больше не видела – он снова куда-то уехал. Зато разговаривала с Сержем – позвонила ему, чтобы поблагодарить за помощь и за целое ведро цветов, которые он прислал мне на день рождения еще вчера.

Вечером, почувствовав себя лучше, я пошла к маме – хотела посидеть с ней. Костя сказал, что она гуляет в саду, и я стала ее искать. Мы любили сидеть на качелях вдвоем и разговаривать обо всем на свете. Наверное, в этот день мне особо были нужны ее поддержка и теплота. Однако нашла я ее не сразу. Мама оказалась в беседке на берегу реки, в которой мы со Стешей когда-то сидели. Она стояла ко мне спиной, разговаривая по телефону, и не слышала моих шагов.

– Нет, я же сказала, – вдруг произнесла мама железным голосом. – Хватит меня преследовать. Нет. Нет. Сколько раз я еще должна сказать это слово? Нет!

Я оторопела – редко видела ее в таком состоянии. Она отключила телефон, сунула его в карман и повернулась – ее красивое лицо было искажено гневом. Однако, увидев меня, мама улыбнулась.

– Дочка, ты давно здесь? – спросила она, спускаясь ко мне.

– Только что подошла. Ты с кем-то ругалась, мам? – спросила я, а она лишь рукой махнула.

– Да так, ерунда.

– Мама, говори! – повысила я голос. – Или скажи Косте. Он мигом со всеми разберется. Мама коснулась рукой живота.

– Ему нельзя говорить об этом, – грустно сказала она. – Это человек из моего прошлого. Того, о котором Костик не должен знать. Понимаешь?

Я кивнула. Наверняка Стас или как там его зовут. Достает маму, скотина.

– Понимаю. Но... Может быть, все-таки рассказать ему обо всем? – осторожно спросила я. – Это как-то неправильно, что ты скрываешь...

В глазах у мамы появился такой страх, что мне стало не по себе.

– Не могу, Яра... Если только после того, как рожу. Сейчас не могу.

Ей вдруг стало нехорошо – маму повело в сторону, и я, испугавшись, подхватила ее и усадила на одну из скамеек.

– Может быть, воды, мам? – с тревогой спросила я.

Все так же держась рукой за живот, мама покачала головой.

– Все хорошо, моя девочка. У меня так иногда бывает. Мне слишком много лет, чтобы снова рожать...

– Ерунда! – оптимистично махнула я рукой, стараясь поддержать ее. – У тебя лучшие врачи, прекрасный муж и лучшая на свете дочь!

– Ты моя девочка. – Мама обняла меня, и мне стало теплее. – Моя самая лучшая в мире девочка. Жаль, что у тебя такая мать.

– Мам, – возмутилась я, но ее было не остановить.

– Ты с детства была светлым и хорошим ребенком. Никогда не плакала, помогала мне. И столько пережила из-за своей непутевой матери. Но помни, Яра, – мама отстранилась и погладила меня по щеке. – Все, что я делала, я делала для тебя. Не злись на меня, ладно?

– Я и не злюсь, – с недоумением ответила я.

– Люблю тебя сильно-сильно! – Мама, как в детстве, сжала мое лицо ладонями, и засмеялась, когда я начала с негодованием убирать ее ладони.

Спустя полчаса мы вернулись в особняк – похолодало, и с реки начал напирать белесый туман. Зато в доме было тепло, как и всегда, уютно трещал камин, и пахло какой-то вкусной едой. Оказалось, сегодня готовить решил сам Костя – у него был выходной, и он решил накормить семью, как сам сказал.

– Лен, у тебя мобильник разрывался, Оксана твоя звонила, – вспомнил Костя, когда мы садились за стол. – Ты ей потом перезвони.

– Хорошо, спасибо, любимый, – ответила мама рассеянно. – Нужно позвать Игната. Нехорошо без него ужинать.

– Я позову, – согласился Костя и ушел.

Игнат действительно поужинал с нами, и на удивление вел себя хорошо. Даже рассказал какую-то связанную с работой историю, а отчим неожиданно похвалил его. Странно, но это было похоже на настоящие семейные посиделки, только вот мы с Игнатом не были братом и сестрой, и наши родители этого не понимали. А если бы поняли, были бы в шоке. Только потом, уже в собственной спальне я поняла одну вещь, которая тревожила меня весь ужин. Если мама оставила телефон в доме, то по какому телефону она разговаривала в беседке?..

Глава 4. Любовь или дружба?

Сержа разбудил звонок, и он, в полусонном состоянии нашарив рядом с подушкой телефон, хрипло ответил:

– Слушаю.

– Как дела, майская розочка? – раздался бодрый голос Игната.

Серж сел в кровати – одежды на нем не было, он предпочитал спать обнаженным. И потерял лоб, чувствуя, как знакомая ярость заполняет пустоту в районе солнечного сплетения.

– Ты ради этого разбудил меня рано утром в понедельник? – уточнил он. – Чтобы спросить, как у меня дела?

– Типа того. Слушай, давай сгоняем сегодня в бар вечером? – предложил Игнат.

– Зовешь на свидание? – невольно улыбнулся Серж.

– Ага. Решил тебя застолбить с утра пораньше, – хмыкнул друг.

– А как же твоя работа? Или начальник отпустил на два часа пораньше?

Сержа до сих пор забавляло то, что друга заставили работать. Отец рассказывал ему, что весь головной офис выпал, когда там появился сын Елецкого. А теперь ничего, привыкли. Шеф не делает ему поблажек. По словам отца, Игнат резкий и импульсивный, что в бизнесе не приветствуется. Но умеет держать удар – как отец. Все знают, что рано или поздно он станет наследником огромного бизнеса.

– У меня сегодня свободный день, – отмахнулся Игнат. – Пар сегодня тоже нет. Так что давай пересечемся в баре и посидим, как раньше.

– Идет, – легко согласился Серж и осторожно спросил: – Как Ярослава?

– Да вроде бы ничего, отошла, – ответил друг. – Я все думаю, как бы эту тварь выследить и выбить из него все дерьмо.

Серж сразу понял, что Игнат говорит о Сейле. Он тоже ощущал гнев, но мыслил более рационально, чем Елецкий. Понимал последствия этого самого гнева.

– Не стоит. Ты его покалечишь или прикончишь. И тебе дадут срок. Отец отмажет тебя, но неприятностей все равно будет много, – заметил он. – Ты же понимаешь это? Пусть менты разбираются, раз видео у них.

Видео с признанием Сейла они действительно отправили в полицию – одному высокопоставленному знакомому отца Сержа. Оказывается, одна из жертв писала на Сейла заявление, но никто так и не смог доказать факт изнасилования, так как девушка обратилась лишь через несколько дней. А теперь все могло обернуться иначе.

– Ладно, тогда до вечера. Не придешь – придушу.

– Взаимно.

Парни распрощались, и Серж нехотя встал из постели, потянулся, подошел к большому круглому зеркалу. Взглянул на себя. Не качок, но рельеф на мышцах есть, подтянутый – не зря занимается бегом и плаванием. Хорошая кожа, модная прическа, ровные зубы – результат долгих страданий в стоматологической клинике. Не идеальный, но хорош собой. Вроде бы не тупой, умеет поддержать разговор. Знает, как вести себя с девушками. За ним многие бегают. Но почему Ярослава видит в нем только друга?

Глядя в зеркало, Серж не чувствовал удовлетворения – скорее, тоску. Тоску по той, которую любил его друг. Серж знал, что Игнат любит сводную сестру и страдает из-за того, в какую ситуацию они попали. Да и Яра что-то к нему чувствует. Серж не раз ловил ее на том, как она смотрит на Игната, – так, словно хочет подойти к нему и обнять, прижимаясь всем телом, но не может этого сделать. Серж хорошо чувствовал людей и понимал, что этих двоих тянет друг ко другу. Но не понимал, почему ему так хорошо с этой девушкой.

Это была его тайна, которую он никому не собирался раскрывать. Страшный секрет, терзающий сердце. Лишь недавно Серж понял, что слишком много думает о Ярославе. Слишком часто начинает стучать его сердце, когда она находится рядом. Слишком сильно хочет коснуться ее. Она нравилась ему, и скрывать это от самого себя было неважноту. Мысли о том, что он ее хочет, переросли в мысли о том, что он по ней скучает. Если с физиологическим желанием он мог справиться с помощью других девушек, то с желанием увидеть Ярославу Серж справиться не мог. Сначала злился, потом принял. А потом понял – его чувства к ней слишком глубокие, чтобы быть просто симпатией. Но когда появилась ревность – он ревновал Ярославу к Игнату – Серж не выдержал. Понял, что больше не вывозит, и что ему нужна поддержка. Именно поэтому сегодня днем он должен был встретиться с человеком из прошлого. Своим психотерапевтом.

На прием Серж собирался долго – не хотел встретиться лицом к лицу со своими страхами вновь. Но в итоге все-таки вышел из квартиры и сел в такси, которое заказал, не захотев садиться за руль. По дороге ему пришло сообщение от подруги Ярославы – забавной девочки с милым детским именем Стеша. Она нравилась ему как человек, да и подругой оказалась неплохой. Жаль, что не может жить в удовольствие, постоянно оглядываясь на мнение других, как и он сам когда-то. Чем-то она напоминала ему пушистого рыжего котенка, который потерялся на улице. Наверное, из-за этого он и помог ей, когда на нее наезжала Шленская.

«Привет! Спасибо большое еще раз! Если бы не ты, не знаю, что могло произойти», – написала Стеша и поставила улыбающийся смайлик. «Привет. Это я должен благодарить, – ответил Серж. – Все благодаря тебе». Они переписывались о какой-то ничего не значащей ерунде – со Стешей Серж чувствовал себя спокойно, как с хорошим приятелем. Ему нравились такие люди, как она, – дружелюбные, творческие, открытые, но в какой-то момент он поймал себя на мысли, что Стеша и Слава, как он про себя называл девушку, похожи на них с Игнатом несколько лет назад. И это тоже ему нравилось.

Серж зашел в медицинский центр, и уже спустя пять минут начался прием. Он сел в знакомое глубокое кресло кофейного цвета и опустил руки на широкие подлокотники. Кабинет ничуть не изменился за несколько лет, которые прошли с его последнего визита к психотерапевту. Разве что цвет стен стал теплее, а на подоконнике появились много новых цветов в горшках.

Психотерапевт – статная женщина в возрасте, одна из лучших в своей профессии – опустилась в кресло перед ним. Их разделял лишь квадратный кофейный столик с предусмотрительно положенными салфетками. Клиенты на приеме плакали постоянно, и Серж когда-то был не исключением. Еще подростком он понял, что плакать – это нормально. И чувства – это нормально. Ненормально осуждать себя за это.

– Давно не виделись, Сергей, – улыбнулась женщина. – Рада видеть вас. Вы возмужали с последней нашей встречи. И, надо признать, выглядите прекрасно.

– Спасибо, Татьяна Ивановна, – улыбнулся Серж. – А вы, как и прежде, очаровательны.

Несколько слов о прошлом, и привычный обоим обмен любезностями закончился. Ему на смену пришел серьезный разговор.

– С чем вы пришли ко мне, Сережа? – спросила психотерапевт, устраиваясь в кресле поудобнее.

Тот ответил, хотя и не сразу. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы сказать обреченным голосом:

– Мне кажется, я влюбился.

Перед глазами тут же появился расплывчатый образ Ярославы, которая грустно улыбалась ему.

– Любовь – это прекрасно, – вздернула тонкую бровь Татьяна Ивановна. – Но ваш тон навевает на определенные мысли. Может быть, расскажете более подробно?

И Серж рассказал. Все рассказал. Как они познакомились с Ярославой, как он понял, что она интересуется его больше, чем остальные девушки, как осознал, что лучший друг тоже запал на нее. И зная это, не предпринимал никаких попыток к сближению, наоборот, даже пытался помочь Игнату.

– То есть, вы влюблены в девушку, которая нравится вашему другу, – задумчиво повторила Татьяна Ивановна. – И не можете признаться ей в чувствах. Я правильно понимаю?

– Верно, – кивнул Серж.

– Другу вы тоже сказать об этом не можете?

– Не могу.

– Почему?

– Не хочу делать ему больно, – чуть помедлив, признался Серж.

– У меня сложилось впечатление, что есть еще одна причина, – сказала Татьяна Ивановна.

– Вы боитесь, Сережа. Боитесь его потерять.

Ладони парня, лежащие на подлокотниках, непроизвольно сжались, и психотерапевт заметила это.

– Да, это тоже, – с трудом признался Серж. – Он единственный, кто был моим другом, когда остальные дразнили меня. И всегда оставался на моей стороне. Если я заявлю права на девушку, которую он любит, это будет... – Он замолчал, чуть прикусив губу.

– Предательство? – подсказала Татьяна Ивановна.

– Именно.

– А как вы поняли, что это любовь?

На лице у Сержа появилась теплая улыбка.

– Та девушка, она... Необычная. Я не могу назвать ее невероятно красивой или сексуальной, но она определенно особенная. В ней что-то есть, что-то такое, что заставляет меня смотреть на нее украдкой. Тянуться к ней, когда она рядом. Чувствовать восторг от случайных прикосновений. Мой друг сказал как-то, что ему теплее рядом с ней. А я... Я будто чувствую себя свободным. Настоящим. Каждый раз, когда я ее вижу, мне хочется ее обнять. Но я всегда сдерживаю себя, чтобы она ничего не поняла.

Татьяна Ивановна задавала Сержу много вопросов, и он старался отвечать на них, хотя иногда будто зависал, не понимая, что сказать. А в конце признался:

– Я не знаю, что делать. Сначала я внутренне отрицал свои чувства к ней, а теперь понял окончательно, что люблю ее.

– Когда и как это произошло, Сережа?

– Когда я увидел ее без сознания. Странно, да? Ее похитили два отморозка, и мы с Игнатом пытались ее спасти. Он приехал первым и забрал ее. Мы с парнями приехали тогда, когда она уже лежала в его машине. И казалась такой беззащитной, что я ощутил два полярных чувства: нежность и ярость. Нежность – к ней, такой хрупкой. Ярость – к тем, кто обидел ее. Я был так зол, что хотел разорвать ублюдков на части. Но было и еще кое-что.

– Что же?

– Ревность. Я ревновал ее к другу. Потому что хотел, чтобы она была моей. – Голос Сержа стал глухим.

– А что вы чувствуете сейчас? – спросила психотерапевт, внимательно глядя на парня.

Он поднял на нее голубые глаза, которые в уютном полумраке кабинета казались хрустальными, и широко улыбнулся:

– Боль. – Серж коснулся ладонью солнечного сплетения. – Вот тут пульсирует пустота. Не понимаю, что делать. Как прекратить это все.

– У вас есть выбор, Сережа, – спокойно заметила психотерапевт. – Либо признаться и девушке, и другу в своих чувствах. Либо оставить все, как есть.

– И в том, и в другом случае я могу потерять их обоих.

– А почему вы считаете эту девушку особенной? – спросила Татьяна Ивановна. – Вы ведь сами в начале нашего разговора сказали, что она не является невероятно красивой или сексуальной.

– Не могу этого объяснить, – потер подбородок Серж. – Просто чувствую притяжение к ней. Но скрываю его.

– Позвольте уточнить – первым на нее обратил внимание ваш друг, верно?

– Да. Она понравилась мне на свадьбе их родителей. И я подумал, что она подходит ему больше, чем та девушка, с которой он на тот момент общался. Та хотела встречаться с другом из-за денег и статуса. Не любила его, и я это понимал, а он – нет.

– Насколько я помню из наших прошлых встреч, ваш друг очень много значит для вас, – задумчиво произнесла психотерапевт.

– Он мне как брат, – твердо сказал Серж. – В нашем обществе среди парней не принято так говорить, но он мой родной человек, понимаете? Тот, которому я полностью доверяю.

– Сережа, а вы не думали, что причина вашей симпатии кроется в том, что сначала на эту девушку обратил внимание именно ваш друг?

– Не знаю ответа на этот вопрос. Я в поиске, поэтому и пришел к вам. Больше не вывожу один.

Серж запустил пальцы в светлые волосы, но тут же опустил руку – по привычке. Не любил проявлять эмоций при других. Игнат был исключением.

– Вы помните, что сказали мне несколько лет назад? – вдруг задала новый вопрос Татьяна Ивановна. – Про любовь? Вы сказали, что любовь – это боль. Это было связано с вашей первой любовью.

– Да, – поморщился Серж, и его глаза потемнели от воспоминаний. – Та девочка, которая нравилась мне в школе, отвергла меня. Потому что я выглядел нестандартно. – На его губах зазмеилась улыбка. – Я признался ей в День всех влюбленных, прислав валентинку. А она высмеяла меня, показав всему классу. «Смотрите, что этот жирный урод написал, мне так стремно», – сказала она. Забавно, эти слова я запомнил, а ее имя забыл. Увижу – не пойму, что это она.

– Люди уходят, а травмы, которые они нанесли, остаются, – заметила психотерапевт. – Вы выросли и стали другим, Сережа. Но с тех пор в вас живет установка, что любовь – это боль. Любить нельзя, потому что это принесет только страдания. Возможно, вы бессознательно поставили блок на любовь. Запретили себе любить, потому что не хотите снова чувствовать боль. Но вы все-таки нуждаетесь в любви. Я так понимаю, секса у вас достаточно, но ни с одной девушкой вы не выстраивали длительных отношений.

– Да. Мне нравится секс, но быстро надоедают девушки, – признал Серж. – Я не чувствую с ними внутренней близости, и мне неинтересно. Пару раз я пытался завести долгие отношения, но разочаровывался, и мы расставались.

– То есть это еще раз подтверждает мое предположение о том, что вам все-таки требуется любовь – раз вы искали длительные отношения с партнершами, – удовлетворенно кивнула Татьяна Ивановна. – В вашей голове возникает парадокс, Сережа. Вы хотите любви, как и всякий другой человек. Но живете с установкой, что любовь – это боль. Возможно, ваш мозг нашел прекрасное решение – влюбиться, но в ту, чувства к которой как раз и принесут эту самую боль. В девушку, которая безразлична вашему родному человеку.

Из кабинета психотерапевта Серж вышел задумчивым и несколько часов просто гулял по центральным улицам города, думая о своем. О том, как ему поступить.

Вечером Серж встретился с Игнатом в одном из любимых баров, который друзья считали «своим местом». Это было небольшое закрытое заведение в полуподвале дома в историческом центре города, и попасть сюда могли далеко не все, однако для Сержа и Игната вход был свободным, потому как здесь частенько бывали их отцы. В первый раз парни пришли в

этот бар, потому что было интересно, почему отцы отдыхают здесь раз в месяц. А потом приходили, потому что им понравилась взрослая расслабленная атмосфера и ореол элитарности, который витал над баром, столики которого были заняты бизнесменами, депутатами и прочими не последними людьми города. Как с усмешкой говорил отец Сержа: «Место для равных среди возвысившихся». Своих знакомых и приятелей Серж и Игнат сюда не приводили – приходили только сами. Сидели за барной стойкой, под приглушенным светом, пили дорогие напитки, слушали живое пение или живую игру на фортепьяно и разговаривали. Обо всем и ни о чем сразу.

Серж приехал первым, прошел в один из залов, сел за барную стойку возле стены и ему сразу же предложили аперитив, от которого он не стал отказываться, и перед ним появился деревянный поднос с бокалами и легкими закусками. Игнат писал, что попал в пробку и будет через минут пятнадцать, и Серж, от нечего делать, стал разглядывать посетителей элитного заведения. Ему нравилось разглядывать людей и угадывать, какие они. Раньше он угадывал характер или привычки, а потом – тайны. Смотрел на человека и думал: «Какая тайна может быть у этой девочки с ангельской внешностью? Она предала подругу? Изменила парню с его братом? Била младшую сестру, пока не видела мать? А что мог сделать тот сутулый парень с шапкой, надвинутой на глаза? Вымогал деньги у сокурсника? Украл пенсию у воспитавшей его бабушки? Целовался с другом, а потом вместе с другими избивал его до крови, крича, что такие, как он, не должны жить?»

Глядя на спокойного мужчину лет пятидесяти, сидевшего за столиком рядом, Серж вдруг сразу понял, какую тайну хранит его спокойное лицо. Он убийца. Внешность обычная, среднестатистическая – рост чуть выше среднего, среднее телосложение, средняя внешность без резких выдающихся черт лица, разве что есть залысина. Слишком обычный, ничего примечательного, даже в одежде. А вот взгляд выдает – волчий, лютый. От него веет холодом, который пробирает до костей. «Не сделаешь так, как я хочу, умрешь», – говорили его глаза, цвет которых Серж не разобрал в полутьме.

Мужчина задумчиво пил из трубочки – но не алкоголь, а сок или газировку, и за соседним столиком сидела его охрана: двое крепких мужчин в черных костюмах и с рацией. Глядя на него, Серж вдруг одернул себя. Глупости. Он не может ставить клеймо убийцы на незнакомого человека. Это глупо. Наверное, виноваты нервы.

– Илья Васильевич, дорогой! Я спешил к тебе через все эти проклятые пробки! – раздался вдруг подобострастный голос, и к мужчине с глазами волка подошел один из гостей: грузный тип с неприятным обрюзгшим лицом, которое все еще хранило остатки былой красоты.

На нем была стильная одежда, золотые часы стоили целое состояние. Однако несмотря на то, что одет он был куда дороже собеседника, вел себя, как пес, который ластился к хозяину. Грузный мужчина протянул руку, но тот, кого Серж мысленно назвал убийцей, не стал ее пожимать.

– Садись за стол, Стасик, поговорим, – произнес он спокойно.

Гость тотчас уселся рядом и заговорил:

– Сколько мы не виделись? Лет пять? Или больше? Что-то случилось? Зачем вернулся? Ты как позвонил, я сразу все бросил и приехал.

– Дело у меня к тебе есть, Стасик. Важное.

– Для тебя, Илья Васильевич, сделаю все, что могу. И что не могу – тоже, – захихикал грузный мужчина над собственной шуткой, но его никто не поддержал, и он резко замолчал.

– Говорят, ты хорошо людей ищешь. Талант у тебя такой.

– Что есть, то есть, – хмыкнул Стасик. – Найти кого-то нужно? Это я организую! У меня знаешь, спецы какие? Бывшие ментяры. Из тех, которые за бабки землю носом рыть будут и камни сплевывать. Они у меня на особом поводе.

– Ментяры, говоришь? – задумчиво проговорил мужчина с волчьими глазами. – Ментяры на поводке – это хорошо. У них доступ к разной информации есть... Ладно, о деле. Найди мне их. Заплачу. Много заплачу, не обижу.

Серж заметил, как на стол легла фотография с изображением женщины и девочки, но деталей разглядеть, разумеется, не смог.

– Кто это? – тут же хищно спросил Стасик. – Что за баба с девчонкой? Фотка старая, ей лет пятнадцать.

– Вся инфа лежит здесь, ознакомься. – Его собеседник положил на стол папку с документами. – Здесь же найдешь сумму, которую получишь, если найдешь их.

Грузный мужчина торопливо открыл папку и, кажется, увидел сумму. Поднял опешивший взгляд на собеседника и изогнул бровь.

– Я, конечно, знал, что ты человек щедрый, но чтобы настолько...

– Это аванс, Стасик. Еще столько же получишь, когда привезешь их мне. Но если откроешь рот и кому-то расскажешь, то будешь наказан. Усек?

– Все конфиденциально, Илья Васильевич! У меня к VIP-клиентам отношение особое!

– VIP-клиентам? – усмехнулся мужчина с волчьими глазами и вдруг взял своего собеседника за галстук, заставив побледнеть. – Смотри, Стасик. Напортачишь – пожалеешь. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Он затянул галстук под самое горло Стасика и, потрепав того по плечу, встал и ушел. Телохранители последовали за ним, и вскоре все трое покинули зал.

– Эй, официант, водки принеси! Ты глухой или тупой? Сюда иди! —выкрикнул Стасик, мгновенно преобразившись.

Теперь в нем не было никакой подобострастности, лишь неприкрытая злость. Серж, который стал невольным свидетелем этого разговора, лишь усмехнулся про себя. Таких людей он не любил, а, скорее, презирал. Интересно, какая тайна у него? Или этих тайн так много, что Стасик и со счета сбился?

Глава 5. Я выбираю себя

Мыслям Сержа помешал Игнат, который буквально ворвался в зал, крепко, как и обычно, пожал руку и опустился на соседний барный стул.

– Извини, чел, – выдохнул Игнат. – Город весь стоит. Думал, не доеду на наше свидание.

Он схватил один из бокалов и залпом выпил. А потом сгреб к себе тарелочку с орешками и закинул в рот целую горсть.

– Где твои манеры? – усмехнулся Серж, по традиции поддразнивая друга. – Это же приличное заведение.

– Приличное? Уже не уверен. – усмехнулся Игнат. – Я тут врезался в одного типа в холле. По виду криминальный авторитет на пенсии, с двумя шкафами за спиной. Я ему даже говорить ничего не стал, – он на меня так посмотрел, что я решил заткнуться.

– Иногда у тебя все же срабатывает инстинкт самосохранения, – кивнул Серж, сразу поняв, о ком говорит Игнат.

Они заказали у бармена напитки, обсуждая какую-то ерунду под ненавязчивую игру на рояле, который стоял на небольшой сцене. Несмотря на раскол в душе, Серж хотел казаться обычным, но Игнат все-таки что-то заметил.

– Ты какой-то странный, – вдруг сказал он, пристально глядя на него. – Что-то случилось?

– Все в порядке, – ответил Серж.

– Уверен? – прищурился Игнат. – Если есть проблемы, говори. Будем решать.

Серж позволил себе улыбку. Знал бы Игнат, что у него за проблемы.

– Все хорошо. Просто настроение такое. Осеннее.

– Это как? – спросил Игнат, душевная организация которого была устроена не так тонко, как у Сержа.

– Тоскливое. Как будто в душе идет дождь, – задумчиво ответил Серж. – Мерзкий серый противный дождь.

Вместо ответа Игнат поднял поднос, на котором подали аперитив, и прикрыл ими голову Сержа, словно укрывая его от невидимого дождя.

– Все нормально, от дождя всегда можно укрыться, – сказал Игнат. – Говори, что у тебя случилось, чел. Seriously.

Серж снова улыбнулся – Елецкий был тем человеком, на которого невозможно было злиться. Под маской самодовольного придурка в нем было скрыто много хороших черт. Со своими близкими он был по-настоящему заботливым. Защищал, как мог, хотя и спорными методами.

– Сказал же – все хорошо, уймись. Просто проблемы с тревогой и сном. Бывает.

– Ладно, сделаю вид, что поверил. Но если что – просто скажи мне, и мы все решим. О'кей? – Игнат поднял руку, и Серж дал ему пять, отстраненно думая, может ли он позволить себе потерять друга? И что важнее: он или Ярослава?

– Ты сам как? – спросил Серж, переводя тему. – Выглядишь странно.

– Не спал всю ночь, – признался Игнат.

– Новая девочка? – поднял бровь Серж.

– Ты же знаешь, что моя единственная подружка теперь всегда со мной, – расхохотался друг. – Развлекает меня, как может.

Он раскрыл исчерченную линиями ладонь и резко сжал пальцы, показывая, что именно стало его «подругой». Серж знал, что с появлением Ярославы Игнат не смотрел на других девушек – говорил, что не хочет их. Сначала это удивляло его, потом казалось смешным, а затем он окончательно понял, как серьезны чувства Елецкого. Не спать с другими – это серьезно. Сам Серж спал, не мог без этого – желание женского тепла было сильнее его.

– Я принял решение, – сказал Игнат, водя пальцем по высокому бокалу.

– И какое?

– Я хочу быть с ней.

Серж сглотнул. В ушах зазвенело.

– С кем? – спросил он, хотя сразу понял, про кого говорит друг.

– С Ярославой, – ответил Игнат. – Хочу с ней встречаться. Знаешь, ее подруга сказала мне, что я играю с Ярой. Типа то нахожусь рядом, то отстраняюсь. И ей от этого больно.

– Да, это действительно так, – кивнул Серж. – Я ведь тебе то же самое говорил. Почему ты не слушал меня, но послушал Стешу?

– Не знаю, – пожал плечами Игнат. – Она сказала, и до меня вдруг дошло. А ведь реально так. Я козел, да?

– Временами —невыносимый, – признался Серж.

– Люблю твою честность, – ухмыльнулся друг и зачем-то достал телефон.

Вошел в галерею и открыл фотографию с Ярославой, которая явно была сделана летом. Девушка лежала на надувном матрасе в бассейне, закинув руки за голову. На ней был купальник небесно-голубого цвета – лялочка верха была спущена на плечо. Ярослава была соблазнительной, хотя сама, возможно, не понимала, какой сексуальностью обладает. Серж замечал это в ней – ему казалось, будто она специально не позволяет себе быть женственной и соблазнительной, и для себя решил, что это из-за родного папаши, который, по словам отца Сержа, был тираном. Наверное, поэтому Яра не подпускала к себе мужчин, но Игнат Елецкий стал исключением.

– Я зачем-то сделал эти фотки, – продолжал Игнат. – И смотрю на них каждый день. Просто смотрю и думаю – какая она милая. Милая же, да? И у нее никого не было, она ни с кем мне не изменяла, просто сказала так, потому что я сам сморозил дичь. Если честно, я жалею об этом. Такой придурок. Я, правда, не хотел, чтобы ей было больно. Но не контролировал себя и злился – на нее, на ее мать, на отца. Когда думал, что отец нашел себе новую дочь, срывало крышу. Как будто бы он Катю решил променять на нее...

– А сейчас? Сейчас ты так не думаешь? – спросил Серж, который несколько раз говорил другу, что это не так.

– Это куда-то ушло, – признался Игнат. – Я все еще злюсь, но не так. Мне обидно, что отец не поверил мне. Ее мать реально предала его, я уверен! Не с врачом она разговаривала. С кем-то другим. И однажды я все узнаю.

– Некоторые тайны нужно оставить тайнами, – философски заметил Серж, стараясь выглядеть обычным, хотя внутри стало пусто и тоскливо.

– Но если это не тайны, которые вредят другим. У меня тоже есть тайна, – вдруг признался Игнат и залпом допил вермут, прежде чем сказать: – Я ревновал тебя к Ярославе.

– В плане? – нахмурился Серж, вдруг подумав, что друг все понял. Понял, что Яра нравится и ему тоже.

– Мне присылали фотки, на которых вы были вместе в какой-то кафешке. Потом я видел, как ты привез ее домой, – признался Игнат глухим голосом. – Вспомнил, что с тобой она всегда общается мило. Не то что со мной. И вдруг подумал, что между вами что-то могло быть. Никогда не чувствовал этого – тупой ревности. А тогда меня накрыло. Я тебе не говорил, но сейчас не могу молчать, потому что чувствую себя мразью. Знаешь, Серый, что я думал?

Серж вздрогнул, услышав старое детское прозвище, от которого старательно избавлялся, но единственный, кто иногда позволял себе ее, был Игнат. И Ярослава.

– Что? – спросил он.

– Я думал – только не он. Пусть она встречается с кем угодно, но только не с моим другом. Не с тобой. – Игнат поднял на Сержа уставшие глаза, в которых не было ни капли веселья. – Знаешь, почему?

– Почему? – одними губами спросил Серж, вдруг ощутив острую тоску.

– Потому что я буду ненавидеть того, кто с ней спит. А ненавидеть своего единственного друга... брата я не могу. Это меня разобьет. Я рассыплюсь и пропаду. Просто сдохну. Потому что ты один, кому я доверяю на сто процентов.

– А что бы ты сделал, если бы она реально мне нравилась? – улыбнулся Серж.

– Не знаю, – нахмурился Игнат. – Сошел бы с ума? – предположил он.

– Ты позволил бы нам быть вместе? – подперев подбородок, спросил Серж.

Он все так же улыбался, только в душе было пусто, а сердце уменьшилось до размера точки. Кажется, он все-таки сделал выбор.

– Если бы вы любили друг друга – да, – чуть помедлив, ответил Игнат. Он был искренен в своих словах и потому беззащитен. – Наверное, я бы набил тебе морду и устроил бы ей пару истерик, но... Что бы я мог еще сделать, чел? Только уйти в сторону. Хотя знаешь, если так подумать... Лучше ты, чем какой-то урод. В тебе я уверен и все такое. Слушай, о чем мы говорим? – сам себя спросил парень и вдруг перевел на Сержа прищуренный взгляд – в полутьме бара его глаза казались темными, почти черными. – Почему ты спрашиваешь об этом? Яра... Она тебе правда нравится?

Игнат сказал это и сам, кажется, испугался своих слов. Серж весело рассмеялся, хотя внутри стало еще больнее. Он сам уменьшился теперь до размера точки и будто падал в пустоту.

– Нравится. Как человек. Я же тебе столько раз говорил, что она не так плоха, как тебе казалось. Но ты человек-противоречие. Умных людей не слушаешь, потому что этому препятствует внутренняя глупость. Но, как говорится, глупость – не порок, а его следствие. Ярослава – хорошая девочка. Не стояла рядом с Алексой, которая, если ты забыл, а я любезно напомню, та еще стерва, – спокойно произнес Серж, и собственный голос казался ему чужим.

– Да в курсе я, что ты умный, – хлопнул его по плечу Игнат. – Но спасибо, что делишься своей мудростью со мной, тупицей.

Он улыбнулся Сержу, и в этой улыбке было столько искренности, что Серж улыбнулся в ответ.

– Значит, ты решил попробовать быть с Ярой? – повторил он, даже боясь представить, что будет.

– Да, – кивнул Игнат. – Внутри чувство, что если не сделаю этого, совершу ошибку. Только вот мысли о матери... – Он запнулся, и его лицо потемнело.

– Что с мыслями о матери?

– Я все так же чувствую себя предателем, – несмело, как-то по-детски ответил Игнат. – Если буду с дочерью той, которая испортила ей жизнь, значит, придам.

– Я же говорил тебе, что это глупость, – ровным голосом произнес Серж. – Твоя мать тобой манипулирует. Это нужно пресечь.

Алина раздражала его. Как человек, способный манипулировать людьми, Серж сразу замечал любые манипуляции других. Мать лучшего друга с детства не нравилась ему – сначала подсознательно, потом он понял, насколько она хитра и даже порой жестока. Игната она настраивала против отца, сама же постоянно выступала в роли жертвы, призывая сына стать ее спасителем и мстителем в одном лице, и у нее неплохо это получалось. А демонстративная попытка суицида и вовсе взбесила обычно спокойного Сержа. Он буквально возненавидел Алину за то, что та устроила. Если бы у Игната не было сильного внутреннего стержня, он бы давно сошел с ума с такой матерью.

– Не говори о ней плохо, мама хорошая, – нахмурился Игнат, который буквально автоматически начинал защищать ее. – Хорошая, но несчастная.

– А я и не говорю, что плохая. Манипулировать могут и плохие люди, и хорошие. Тебе просто нужно это понять, – спокойно сказал Серж. – Ты можешь любить свою маму и встречаться с Ярой. Это не будет значить, что ты придаешь маму, понимаешь? Твои личные отно-

шения вообще не могут стать предметом предательства кого-либо кроме девушки, с которой ты встречаешься. Предать ты можешь только ее. А мать ты можешь разочаровать, расстроить или разозлить. Она ведь твоя мама, она должна понимать, что ты не можешь просто так взять и забить на свои чувства. Это будет неправильно.

– Да, я понимаю. Просто боюсь обидеть ее. Кроме меня, у мамы никого нет, – заученно повторил Игнат то, что вбивала ему в голову Алина – Серж был уверен в этом, сам как-то раз слышал несколько лет назад.

– У твоей мамы есть она сама. И это главное. Ты не можешь прожить всю жизнь так, как хочет она. Это бессмысленно. Тебе нужно один раз сказать «нет» самому себе, чтобы жить счастливо.

– Философ, – хмыкнул Игнат, за весельем пытаюсь скрыть беспокойство. – Но если честно, я подумал, что мама – она же поймет. Я все ей объясню. Что Яра хорошая, что она не несет ответственности за свою мать. Черт, как же сложно! – Он закрыл ладонями лицо и потер глаза.

– Жить вообще сложно, – заметил Серж, все так же падая в пустоту, которая казалась бесконечной. – Делай так, как считаешь нужным, и всегда выбирай себя.

Он сказал это и задумался – а что выбрал он, скрыв от Игната свои чувства к Яре? Себя или друга? Они посидели в баре еще пару часов, наслаждаясь атмосферой и музыкой. Вспоминали прошлое, обсуждали знакомых, говорили про девчонок и секс. Подкалывали друг друга. Пили. Дурачились. Фотографировались в туалете на фоне писсуаров и хохотали, вызывая косые взгляды у гостей бара, которые пришли справить нужду. Серж разбил бокал, а Игнат, обозвав его безруким, зачем-то стал собирать осколки и порезался. Пришлось перевязывать ему палец, а этот придурок умудрился замазать кровью белую рубашку Сержа, еще и ржал, как конь. А потом потащил Сержа на улицу, и несколько километров они шли по ночным улицам, не переставая болтать и смеяться. В каком-то переулке Серж заметил несколько неясных теней и, поняв, что ходить туда опасно, стал тянуть друга назад, но у того играла кровь, давать заднюю он не хотел, и в итоге они напали на каких-то гопников, которые стали их задира. Если бы не полицейская машина, проезжавшая мимо, точно была бы драка. Елецкий не собирався отступать и терпеть оскорбления – он точно бы кинулся на противников, и Сержу пришлось бы идти за ним. Однако полиция разрулила конфликт, и гопники испарились, а друзья пошли дальше. Потом Игнату захотелось покачаться на качелях и Серж, вздыхая, стоял рядом и раскачивал друга.

– Садись тоже! – прокричал Игнат, явно кайфуя от происходящего.

Серж только усмехался, глядя на него. Видели бы все те девчонки, которые сходили с ума по Елецкому, каким он может быть... Явно бы разочаровались. Вместо бэд-боя хохочущий пацан с растрепанными волосами.

– Садись, говорю! – не отставал Игнат. Серж не соглашался, и тогда он резко затормозил, силой усадил друга на качели рядом и начал раскачивать изо всех сил. Когда Елецкий расходился в веселье, успокоить его было сложно.

– Ты больной, – сообщил ему Серж, впрочем, ощущая удовольствие от происходящего. Он давно не качался на качелях – все это осталось в детстве, которое ему хотелось закрыть, как самую неудачную страницу в своей жизни.

– Какой есть! – ответил Игнат с ухмылкой, оставив друга в покое и пересев на соседние качели. Теперь они качались вдвоем, глядя в темное звездное небо и не чувствуя холода.

Домой они отправились еще через час, вызвав такси, потому что оба пили. Машина Сержа пришла первой, и Игнат, стукнувшись с ним кулаками, услужливо открыл другу дверь.

– Садись, сладкий, – сказал он. – Как доберешься, напиши папочке, чтобы я не беспокоился.

– Напишу, – пообещал Серж, закрыл дверь, и машина плавно тронулась с места. Иронично, но за рулем сидела девушка – Серж видел на руле ее короткие пальцы с длинными ногтями самого проигрышного и пошлого красного оттенка, украшенные крупными стразами. Впрочем, и макияж у нее был довольно неряшливый и вульгарный – Серж видел это в зеркало заднего вида.

– С другом гуляли? – кокетливо спросила девушка.

Она то и дело пыталась заигрывать с Сержем, а ему почему-то казалось, что они знакомы, но вспомнить ее не мог.

– Да, – коротко ответил Серж.

– Ваши девушки отпускают вас так поздно?

– Простите?

– Говорю – ваши девушки вам разрешают так долго гулять с друзьями? Я вот своему не позволяю. В одиннадцать как штык должен быть дома, – заявила девушка.

– А сами ночами не появляетесь, – с полуулыбкой заметил Серж.

– Так я ж работаю, пока этот олень чилит дома, – возмутилась девушка. – Не может нормальную работу найти. А я вот такую. Между прочим, можно нормально так зарабатывать, если каждый день кататься. А что? Удобно. Гоняешь по городу, клиентов развозишь, но и на себя всегда время есть. Учусь на заочке, когда нужно, иду на сессию. Начальника нет. Делаю, что хочу. Бабки получаю каждый день.

– Здорово, – равнодушно ответил Серж, мысленно возвращаясь к их с Игнатом разговору в баре.

Только вот девушка за рулем его равнодушия не поняла и продолжала:

– Я, конечно, нормально получаю, не жалуюсь и все такое, но где взять нормального мужика?

– Нормального? – рассеянно спросил Серж.

– Ну, при бабле. Чтобы он работал и тебя содержал, а не ты его, – усмехнулась девушка. – Мне мой капец как надоел. Целый день пиво пьет и в дотку гоняет с пацанами. Я уже устала тащить эти отношения, если честно, – призналась она, тормозя на светофоре.

– Тогда бросайте его, – сказал Серж все так же равнодушно. Перед глазами был образ Ярославы в объятиях Игната.

– Ну как без мужика? – вздохнула девушка и повернулась к нему. – А у вас подруга-то вообще есть или вы одинокий?

Градус кокетства в ее голосе явно зашкаливал. Серж поднял на нее взгляд и вдруг понял, почему она показалась ему знакомой. Это была та самая девчонка, в которую он когда-то давно влюбился и осмелился признаться. А она показала его валентинку остальным. «Смотрите, что этот жирный урод написал, мне так стремно», – зазвучали в его голове язвительные слова из прошлого. А следом – громовой смех одноклассников.

Получается, психотерапевту он солгал. Увидел – и вспомнил. Только она так изменилась. В худшую сторону, к сожалению. Надо же, он думал, что девушка за рулем лет на семь старше него, а они ровесники.

– Так у вас подруга жизни есть? – повторила она.

– Нет, – ответил Серж, и девушка оживилась, стала кокетничать еще больше, ничуть не смущаясь, что клиент не реагирует на ее слова.

В пол-уха слушая ее, Серж думал – знала бы она, кого отшила много лет назад. Он ведь мог дать ей все. И ей бы не пришлось работать за двоих, содержать парня-бездельника. Он был бы преданным до конца. Преданность – это все, что он умеет. Но... Возможно, без боли прошлого не было бы его настоящего. И он бы не стал тем, кем является сейчас. Забавно.

Высунувшись из окна машины и глядя на звездное небо, Серж вдруг подумал – он все-таки выбрал *себя*. Потому что считал правильным уступить лучшему другу. И потому что не

хотел его терять. Пусть Игнат с Ярой будут счастливы. А эта ноющая боль в груди когда-нибудь пройдет. Не может ведь она быть вечной. Возможно, психотерапевт права, и он действительно может любить только через боль.

Часть 2. Чувства. Глава 6.

День, когда пошел первый снег

После дня рождения прошла неделя, и я почти оправилась от произошедшего, по крайней мере старалась так думать, хотя время от времени в людных местах на меня накатывал жуткий страх. Вдруг меня снова попытаются похитить? И сделать что-то ужасное? В такие мгновения я начинала беспомощно оглядываться по сторонам, пытаюсь унять дрожь в пальцах. Если рядом была Стеша, она брала меня за руку и успокаивала, понимая, что со мной происходит. С ее помощью я быстро справлялась со страхом, но до конца изгнать его из себя не могла.

Сейл в университете больше не появлялся. Стеша принесла новость, что он под арестом вместе со своим дружкой, с которым издевался над незащищенными девушками, – об этом говорил весь факультет международных отношений. С Окс и Ритой мы больше не общались. Я позвала их на разговор в понедельник перед парами, как только пришла в университет. Мы вчетвером пошли на четвертый этаж, в укромный уголок рядом с закрытым женским туалетом. Сначала девочки строили из себя дурочек.

– Зачем вы это сделали, девочки? – прямо спросила я, внутренне понимая, что это конец. Конец нашей трехлетней дружбы.

Они переглянулись.

– Ты о чем? – удивилась Рита.

– О том, что произошло в клубе, – сквозь зубы процедила я, с отвращением вспоминая момент, когда меня нес на руках какой-то незнакомец, а я даже слова сказать не могла, чтобы попросить помощи.

– А что там произошло? – сделала большие глаза Рита.

Стеша, стоявшая за моей спиной, шумно выдохнула – она злилась.

– Вы серьезно? – нахмурилась я, чувствуя не только злость, но еще и отвращение. – Подставили меня и делаете вид, что все хорошо?

– Я-а-ар, не понимаю, ты про что? – похлопала ресницами Окс. – Вы с Раевской куда-то пропали из клуба, на звонки не отвечали. Я думала, вы свалили вдвоем куда-то, а нас кинули.

– Вот-вот, – подхватила Рита. – Я на вас, между прочим, обиделась! Подруги, называется! Бросили нас и свинтили. Мы вам надоели? Или решила провести время в более дорогом месте, а нас брать не захотела?

– Это было максимально неприятно, – вставила Оксана, надув губы.

– Да что вы? – прищурилась я, поражаясь такому нахальству. – Переживали, наверное, бедные? – Девочки переглянулись. А я продолжала: – Поставлю вопрос иначе – сколько?

– Что – сколько? – осторожно спросила Рита.

– Сколько вам заплатили за предательство? – задала я вопрос, от которого стало противно. Три года дружбы ушли в никуда.

– Какое еще предательство? – спросила Рита высокомерно. – Что ты несешь, Черникова?

Однако Окс, в отличие от нее, вдруг перестала строить из себя идиотку, и неожиданно зло сказала:

– Достаточно, чтобы купить путевку в Турцию нам обеим.

Я хотела ударить подругу – *бывшую подругу* – по лицу. Но не стала, сдержала себя.

– Продешевели, девочки, – сказала я тихо. – Надо было просить дороже.

– Обидно, что так мало стоишь? – прищурилась Окс, у которой покраснели щеки и шея.

– Ну, детка, извини, сколько получилось взять, столько получилось.

– Эй, ну ты чего, – попыталась вмешаться Рита, которая явно почувствовала себя некомфортно. – Яра, ты просто не так все поняла...

– Нет, ты так все поняла! – прошипела Окс, и я не узнавала ее: перекошенный от ярости рот, ненависть в глазах, которые раньше казались улыбочивыми. – Сейл предложил нам бабки за то, чтобы мы привезли тебя в клуб. Мы два раза пытались, и во второй раз ты соизволила поехать, аллилуйя! Извини, Ярочка, у нас, в отличие от тебя, нет такого обеспеченного папочки! Хотя и до него ты с матерью жила небедно! А у нас с Риткой родители простые, столько бабла не имеют.

– Да хватит, ты чего, – попыталась успокоить ее Рита, белая, как мел, но Окс было не унять.

– А что? Пусть знает! Ты зажралась, Черникова! У тебя теперь есть все, что хочешь! А у нас? Ни фига. Ни айфонов, ни брендовых шмоток! На учебу ездим на автобусе и метро! А ты с личным водителем рассекаешь! Нам с Риткой даже степуху не платят, а тебе повышенную дают! – Она едва ли не брызгала слюной от ненависти, которая была такой сильной, что мне стало не по себе.

– Яра, в отличие от вас, отлично учится! – встряла Стеша, которая до этого молчала. – А вы задницы в универе протираете! Нужны деньги – идите работать, идиотки! Только что-то я не припомню, чтобы вы работали хоть где-то!

– Да захлопнись ты, – попыталась заткнуть ее Окс, но Стешу было не унять. Ее плечи расправились, глаза горели огнем, а каждое слово было громким и четким – она будто гвозди забивала словами.

– Все, что вы делаете, так это ходите по тусовкам, бухаете и клеите парней, а потом ноете, что они вас кинули! Ах, да, забыла о вашей супер-способности— предавать друзей! Офигенно устроились, девочки, так держать! В жизни многого добьетесь! Ведь впереди еще так много людей, которых можно кинуть. Глядишь, не только в Турцию съездите, а и куда подальше! Вы знаете, что эта тварь хотела сделать с Ярой? Нет? Усыпить, а потом изнасиловать, еще и на камеру снять. Классно, да? – тяжело дыша от ярости, спросила Стеша, прожигая взглядом бывших подруг. – Слава Богу, Елецкий помог, и ничего не случилось. А если бы его не оказалось рядом? Вы бы нормально жили, зная, что из-за вас у человека сломалась жизнь?

– Мы же не знали! – закричала Рита, с каким-то отчаянием глядя на меня. – Думали, он влюбился в Яру или что-то еще! Окс, ну скажи, что не знали! Окс!

Та лишь грязно выругалась, и Рита поняла, что Оксана все знала.

– Ты же мне говорила, что он нормальный... – прошептала Рита, бледнея еще больше, – у нее даже губы посерели.

– А ты типа сама не понимала? – усмехнулась Окс. – Не ломай комедию, подруга. Все ты прекрасно понимала. Да плевать, поедem в Турцию, оттянемся в пятизвездочном отеле, потусим на побережье, найдем себе турков.

– Но как же так? – жалобно спросила Рита и попыталась схватить меня за руку. – Яра, прости, Яра! Пожалуйста!

– Не трогай меня, – попросила я. – Отойди и не трогай. Мне неприятно. Честно говоря, я до последнего не верила, что мои подруги могут меня предать. Поступить так низко и так грязно. Денег вам, значит, не хватало? – усмехнулась я. – Нет, вам не хватало не денег, девочки, а мозгов. Были бы умнее, смогли бы развести меня на сумму куда более крупную, чем вам заплатил Сейл. Отчим действительно дает мне много денег. А я ради своих друзей способна на многое. Жаль, что больше вы мне не подруги. Хотя нет, не жаль. Как-то Костя сказал, что от сорняков нужно избавляться как можно раньше – чем больше тянешь, тем выше они становятся. Я рада, что теперь в моей жизни не будет двух таких сорняков.

– Как заговорила-то, – хохотнула Окс. – Засунь все свои умные слова знаешь куда?

– Яра, Ярочка, не говори своему брату, – попросила тоненьким голосом Рита, и я вдруг поняла – она боится. Боится гнева Игната Елецкого. Может быть, поэтому и ведет себя так, словно ничего и не знала? Что хуже – истинная зависть Окс или притворство Риты?

– Игнат знает, – улыбнулась я холодно. – Но из уважения к нашей бывшей дружбе я попрошу его ничего вам не делать.

– Типа благородная? – прошипела Окс, которую буквально передернуло от моих слов. – А ты Раевская, так и будешь у нее шестеркой! Той самой страшной подружкой!

– Закрой рот, – велела я ей. – Иначе это сделаю я сама.

– Не указывай, Черникова! Пошла ты! Подавись своими бабками! Да чтоб твоя семейка разорилась! Ненавижу! Твари!

С этими словами Окс убежала в сторону туалета, а Рита, метнув на меня полубезумный взгляд, протараторила еще раз слова извинения и кинулась вслед за ней. Мы со Стешей остались одни. Я смотрела им вслед, тяжело дыша, а подруга коснулась моей руки. По ее щекам катились слезы, а заплаканные глаза казались изумрудно-зелеными. Я вытерла ей слезы и улыбнулась.

– Все хорошо, Стеша, не плачь.

– Я не думала... Не думала, что девочки такие, – призналась она. – Мы же подруги... Были.

– Дружба бывает разная, – пожалала я плечами, стараясь бодриться, хотя на самом деле чувствовала опустошение. – К сожалению, они не смогли быть хорошими подругами до конца. Стеша... А ты? Ты ведь не уйдешь? – вдруг спросила я, глядя на подругу.

Страх потерять ее стал невыносимо сильным – буквально душил, заставляя часто дышать.

– Куда? – не поняла она.

– Не бросишь меня?

Стеша рассмеялась, и мне стало легче.

– Я никогда тебя не брошу, ты же моя подруга, моя сестра. Что за мысли, Яра? Если так поступили они, не значит, что так поступлю я, – сказала она и улыбнулась. Тепло и искренне.

Вместо ответа я сняла с себя любимый кулон в форме перевернутого кленового листа и протянула ей:

– В знак моей дружбы.

Стеша растерялась, но тут же нашлась – вытащила ключи, стянула брелок в виде пушистого помпона и отдала мне.

– Чтобы было взаимно, – важно сказала она. – Ты мне, я тебе.

Я обняла ее и не отпускала до тех пор, пока не раздался звонок. Первую пару в итоге мы прогуляли – пошли в кафешку через дорогу, разговаривали о наших книгах, ели пиццу и пили горячий шоколад. Горечь от потерянной дружбы потихоньку отступала. У меня была Стеша, и дружба с ней стоила дружбы со многими.

Это произошло в день, когда выпал первый снег. Он начал идти в полдень, белыми хлопьями падая за окнами аудитории, в которой я сидела, и мягко устлая дороги и крыши. Остатки пожухлой травы покрылись изморозью, последняя желто-оранжевая листва побелела – будто по ней провели пушистой кисточкой с белой краской. Хотя небо было низким и серым, но отчего-то на улице казалось светло, а на душе – радостно. Так всегда бывает, когда появляется первый снег, ведь первый снег – предвкушение зимнего чуда. Он укрывает всю грязь, а еще в нем таятся отголоски детской радости и веры в волшебство, которые заставляют нас смотреть в окна.

Час шел за часом, а снега становилось только больше. Горизонт казался подернутым туманной дымкой, крыши домов, машины, дороги – все побелело, и, несмотря на похолодание, студенты то и дело выбегали на улицу на переменах, мерзли, но не уходили – кто-то любовался и делал фото заснеженного двора и сквера, кто-то просто дышал свежим воздухом, а кто-то играл в снежки и даже лепил снеговика.

Из университета мы со Стешей вышли уже ближе к вечеру – было еще светло, хотя уже понемногу сгущались сумерки. Снегопад, наконец, прекратился, небо рассеялось, став сероголубым, а на юго-западе окрасилось в медный закатный цвет. Это была пятница, последний учебный день, после которого должны были наступить долгожданные выходные, и несмотря ни на что, на душе было спокойно. Мы побродили по скверу рядом с корпусом, и нам пришлось распрощаться – у Стеши сегодня были дополнительные занятия по английскому. Подруга уехала, а я осталась – не захотела вызывать водителя прямо сейчас, решив прогуляться. Я направилась в парк, не надев наушники, что обычно делала, когда гуляла. Вместо музыки слушала хруст первого снега под ногами. Хотелось думать о Новом годе и о подарках, хотя до этого было еще далеко. Я просто шагала по заснеженному парку, время от времени сгребая в ладонь бархатный снег с перил и сжимая пальцы. Снег снова начал идти – теперь уже небольшой. Он путался в волосах и то и дело попадал на ресницы.

Я не сразу поняла, что у меня за спиной кто-то появился. Лишь увидела тень и застыла на месте, готовая дать отпор любому, кто захочет сделать мне плохо, – для этого у меня был перцовый баллончик, который я купила после случая в клубе. Так мне было спокойнее. Я много раз репетировала, как достаю этот чертов баллончик из висящей на плече сумки, и без труда сделала это сейчас. Достала его, развернулась и едва не распылила на Игната. Оказывается, за мной шагал именно он. И теперь остановился, засунув руки в карманы черного, чуть ниже колен пальто. Он вообще был весь в черном и контрастировал со снегом.

– Это ты? – выдохнула я с недоумением и затаенной радостью.

– Я, – спокойно ответил Игнат, не сводя с меня глаз.

– Ты ниндзя, что ли? – недоверчиво спросила я, чувствуя, как страх толчками уходит из моей груди. – Зачем за мной крадешься?

– Так вышло, – ничуть не смутился Игнат. – Я увидел тебя и решил подойти.

– Ты мог бы меня окликнуть, раз решил подойти, – нахмурилась я. – А ты просто шел, как тень.

– О'кей, ты меня раскусила, – пожал широкими плечами Игнат. – Мне нравилось идти следом за тобой.

– Удивительные откровения, – хмыкнула я. – Ты не находишь это странным?

Боже, о чем мы вообще разговариваем?..

– У тебя в волосах снег красиво путается, – выдал Игнат, заставив меня широко раскрыть глаза. – Мне нравилось на них смотреть.

– Я тебя боюсь, Елецкий.

– Зря. Я хороший мальчик, – сообщил он мне, стащил кожаную перчатку и протянул мне руку. – Погуляем вместе?

– Боишься потеряться? – улыбнулась я, но за руку его взяла.

Пальцы у него были ледяными, будто бы он снова сильно замерз, как тогда, под дождем. Игнат ничего не ответил, осторожно сжал мою ладонь, и мы вдвоем пошли по парковой дорожке, а перед нами один за другим загорались первые фонари – снег роился над ними, точно волшебные мотыльки. Стояла тишина – слышны были лишь наши шаги да отголоски звонких голосов где-то неподалеку.

Ничего не говоря, мы с Игнатом просто неспешно шагали вперед. Это было странно, но очень уютно – просто идти за руку с тем, от кого сердце начинало стучать чаще. Мне стало так спокойно, словно мы были знакомы целую вечность, и казалось, что нам хватает даже взаимного молчания, чтобы чувствовать и понимать друг друга. Иногда я смотрела на его четкий профиль, на котором застыла печать безмятежности. Он снова стал тем Игнатом, которого я встретила в библиотеке, только сейчас я не чувствовала того безумного влечения, от которого срывало все предохранители в голове. Я ощущала умиротворение. И чувство правильности – словно так все и должно было быть. А еще – уверенность и защищенность. Станные ощущение

ния, зыбкие – того и гляди, растают, как снег на теплых ладонях – и приятные. Мы обошли почти весь парк, и я все-таки не выдержала. Решила задать вопросы, которые волновали меня.

– Что происходит, Игнат? – прямо спросила я, замедлив шаг и вынимая ладонь из его пальцев, которые стали теплеть.

Мы остановились и встали друг напротив друга. Очень близко. Он и я. И то ли целая пропасть между нами, то ли всего лишь несколько жалких сантиметров.

– В плане? – без удивления спросил Елецкий, словно зная, что я спрошу об этом. И ждал. Снегопад почему-то усилился.

– Ты нашел меня, взял за руку, идешь рядом без единого слова. Что ты хочешь? Только не говори, что просто так, – нахмурилась я.

– Не просто так, – согласился он.

– Тогда?.. – Внутренне я приготовилась к чему-то плохому, но его слова удивили меня. Нет, оглушили, заставив сердце пропустить пару ударов, а потом разогнали его, будто сумасшедшее.

– Давай встречаться? – на удивление мягко спросил Игнат. Без насмешки и злости. Спокойно.

– Что? – тихо спросила я.

– Давай встречаться? – повторил он.

– С тобой?

Господи, самый глупый вопрос, на который только способна девушка в такие моменты. И я его задала. Потому что была в шоке.

– Нет, вон с тем проходим, – позволил себе улыбнуться парень. – Так что?

– Даже не знаю, что сказать, – честно ответила я, потрясенно глядя на него. – Игнат, ты трезв? Ничего не употреблял?

Я даже демонстративно принялась, словно пыталась учуять в воздухе алкоголь – это была моя защитная реакция.

– Начинается, – закатил глаза Игнат. – Ярослав, я абсолютно серьезен. А сейчас буду максимально честен. Мне было сложно принять это решение, но я все же сделал это. Пришел к тебе и предлагаю встречаться. Потому что понял кое-что важное благодаря твоей подруге. Я веду себя неправильно по отношению к тебе. И мне не нравится, что тебе может быть больно из-за меня. Поэтому я решил попробовать. Но захочешь ли ты?

– А твоя мать? – спросила я вдруг, вспомнив его слова. – Ты больше не ощущаешь себя предателем?

– Это тяжелый вопрос. – Он опустил взгляд. – Я долго шел к этому и... Я не предатель. Для своей матери я делаю все, что могу, поверь. Но если буду с тобой, то не предаю ее. Мне сложно было дойти до этой мысли, но для себя я решил так. Никогда не брошу ее, но и не смогу жить так, как хочет она.

Игнат поднял на меня глаза, и я почувствовала знакомую нежность.

– А моя мать? – прошептала я, понимая, что бессильна перед этой нежностью. – Ты будешь все так же ненавидеть ее? Мстить за то, что она вместе с твоим отцом? Прости, если говорю резко, просто... Ты же знаешь, как важна для меня эта тема.

– Если твоя мать не сделает ничего плохого моему отцу, я ни слова не скажу и никогда ничего не сделаю, – чуть помедлив, сказал он. – Обещаю.

– Но почему ты предлагаешь мне встречаться? – спросила я почти жалобно.

– В общем, так. Я тебя люблю, – как-то устало произнес Игнат. – И как бы ты ни просила, не могу перестать любить тебя. Пожалуйста, будь со мной.

На меня нахлынуло чувство дежавю. Библиотека, наша первая встреча и его насмешливый голос в темноте: *«Пожалуйста – слово слабаков»*. Я слотнула, прогоняя воспоминание, ставшее моим наваждением.

– Ты сказал однажды, что «пожалуйста» говорят лишь слабаки, – тихо напомнила я. – А теперь сам произносишь это слово.

На ресницу попала снежинка, и я заморгала, пытаюсь избавиться от нее.

– Запомнила, – почему-то улыбнулся Игнат, осторожно убирая снежинку с моих ресниц. – Мать так всегда говорила. Может быть, она и права. Может быть, рядом с тобой я и слабею. Ярослава? Ты не ответишь мне? О'кей, понимаю, что это внезапно. Сколько времени тебе нужно, чтобы подумать? Неделю? Месяц? Ярослава?

Я молчала, потрясенная его словами. Просто смотрела на него и молчала, а снег все шел, шел, шел... Игнат тоже молчал. А потом, сделав выводы, хрипло сказал:

– Тогда я пойду. Удачи.

Он развернулся, снова сунув руки в карманы пальто, и тяжелым шагом направился в обратную сторону. Я стояла, смотрела на него и пыталась прийти в себя. А затем вдруг сорвалась с места, схватила снег, скатала его в снежок, подбежала к Игнату и кинула ему в плечо. Он резко развернулся и непонимающе уставился на меня.

– Ты чего?..

– Куда ты пошел, даже не дослушав меня?! – выкрикнула я сквозь подступающие к горлу слезы. – Я согласна! Слышишь? Хочешь встречаться – будем!

Я подбежала к нему и, глянув исподлобья, сказала:

– Если предаешь меня, тебе не жить, Елецкий.

– Договорились.

На его каменном лице появилась слабая улыбка. И, ничего не говоря, Игнат подошел ко мне и просто обнял, поцеловав в висок. Меня окутало все тем же уютом, спокойствием и чувством защищенности. Игнат прижимал меня к себе и гладил по волосам и спине, а нежность, которая стала почти невыносимой, переполняла сердце. Шел снег, а на нас будто обрушилась хрупкая бесконечность неба. Хотелось и наслаждаться мгновением, и плакать, и смеяться, и кричать, и захлебываться в молчании, и не отпускать никогда этого человека. И любить – любить тоже хотелось. Всей душой. Разве мы этого не заслужили?

– И еще, – прошептала я, прижимаясь щекой к груди Игната и вдыхая едва заметный аромат его одеколона. – Можешь называть меня Ясей. Так меня еще никто не называл.

– Хорошо, – просто сказал он. – Моя Яся.

И я закрыла глаза, улыбаясь и чувствуя на губах соль своих слез. «Пожалуйста, будь со мной. И не отпускай. Потому что я верю тебе. И буду с тобой до самого конца».

– Яся, – повторил Игнат, и в его голосе слышался шелест первого снега, укрывающего деревья.

Глава 7. В любви

Мы бродили по парку больше часа, держась за руки. Почти не разговаривали, лишь изредка перекидывались парой слов и все время смотрели друг на друга – будто заново привыкали. Пальцы Игната потеплели, и теперь уже его ладонь грела мою. Снег не переставал идти – он нежно укрывал деревья, словно готовя их ко сну. Мне тоже казалось, что я сплю, открою глаза – и вместо Игната рядом пустота. Я даже на всякий случай впила ногтями себе в ладонь, чтобы проверить, не сон ли это, но боль отрезвила меня. Игнат действительно был со мной. И от понимания этого я счастливо улыбнулась.

– Ты чего? – спросил Игнат, наблюдая за мной.

– Просто... Подумала, что это так странно, – призналась я. – Еще совсем недавно ты терпеть меня не мог, а теперь... Теперь говоришь, что любишь.

– Я думаю о тебе с той встречи в библиотеке, – признался он хрипло. – Если бы не свадьба моего отца и твоей матери, мы бы давно могли быть вместе. Все слишком сложно, да?

– Да... – Мой голос был похож на шелест, но я была уверена, что мы в этом разберемся. Мы переглянулись и неожиданно улыбнулись друг другу.

– Холодно становится. Поехали домой? – предложил Игнат.

– Поехали, – согласилась я.

Мы вышли из парка, нашли его машину. Прежде чем сесть в нее, я стала отряхиваться, и Игнат решил мне помочь – развернул меня к себе спиной и сам стряхнул с моих плеч и капюшона снег. А после сдул его с моих волос. В салоне включил печку и подогрел сиденья и сам застегнул на мне ремень безопасности. Такой заботливый, надо же!

– Эй, я бы и сама могла, – возмутилась я.

– Знаю. Но мне нравится тебя касаться, – ничуть не смутился Игнат и подмигнул мне, заставив смутиться. Я и сама не поняла, откуда во мне взялось это игривое смущение.

– Мне, может быть, тоже, – пробормотала я.

– Тогда в чем проблема? – улыбнулся Игнат. – Я весь твой.

Я легонько ударила его по предплечью, а после, поддавшись порыву, коснулась темных густых волос и взлохматила их – так, что Игнат стал похож на домовенка Кузю. Я рассмеялась.

– Давно мечтала это сделать! Господи, ты такой милый.

Игнат мрачно покосился на меня и стал спешно поправлять волосы, глядя в зеркало заднего вида.

– Ну, спасибо, Яся.

– Пожалуйста. Ты сам сказал, что весь мой, – хмыкнула я и снова потянулась к его волосам, чтобы растрепать их, но Игнат заметил это поползновение, поймал мою руку и прикусил за запястье – на коже остались следы от его зубов. Теперь пришла моя очередь удивляться.

– Ты чего? – обалдела я.

– Люблю кусаться, так что будь хорошей девочкой, – ухмыльнулся он.

Я рассмеялась, а Игнат завел машину и плавно выехал с университетской парковки на дорогу.

– Хочешь есть? – спросил он.

– Не знаю... – почему-то растерялась я.

– Значит, хочешь, – интерпретировал он. – Заедем куда-нибудь?

– Может быть... Может быть, сюда? – Я кивнула в сторону популярного ресторана быстрого питания, все еще не веря, что говорю это Игнату Елецкому. Неужели мы... правда встречаемся? Что вообще делать? Как себя вести?

– Давай, – легко согласился Игнат.

– А ты вообще ешь еду из фастфуда? – спохватилась я.

– Ем, конечно, – развеселился он. – Что за странные вопросы?

– За столом ты часто ведешь себя так, словно тебе принесли рагу из мух и заставляют это есть, – хмыкнула я.

– Ты просто плохо меня знаешь.

– А ты меня?

– Ты не любишь кофе, пьешь какао, горячий шоколад или зеленый чай. Ешь батончики с орехами, но не ешь горький шоколад. Обожаешь цитрусы, но отказываешься от яблок. На завтрак ешь кашу или мюсли с молоком – кстати, как ты вообще это ешь? А за ужином никогда не притрагиваешься к рыбе и морепродуктам.

– Откуда ты знаешь? – выдохнула я.

– Судя по домашней одежде, твой любимый цвет – голубой. А еще ты любишь разные дурацкие носки. Книжки, которые брала в библиотеки, всегда возвращаешь на место и ставишь туда, где они стояли. Пользуешься мылом с ароматом арбуза – я иногда чувствую его, когда ты рядом. А духи у тебя с ароматом земляники, и они сводят меня с ума. На выходных ты смотришь сериалы и поздно ложишься спать. Кстати, последнее, что ты смотрела – «Эйфория». Часто сидишь на подоконнике в своей комнате и смотришь на реку. Ночами иногда включаешь музыку в наушниках и танцуешь.

Я удивилась – и это мягко сказано. От слов Игната я пришла в замешательство и восхищение одновременно.

– Как ты все это понял?

– Наблюдаю за тобой, вот и все, – усмехнулся Игнат, останавливаясь у ресторана быстрого питания. – Мы ведь живем в одном доме, в соседних комнатах. Многие вещи становятся понятными.

Почти два часа мы провели за столиком у окна. Ели и наслаждались снегопадом за окном. Разговаривали обо всем на свете – так, как никогда прежде не разговаривали. И были словно на первом свидании, том самом, на которое он пригласил меня однажды, но на которое мы так и не попали.

Игнат умел шутить и смеяться. Быть милым и смешным. Упрямился по пустякам. Постоянно смотрел в глаза, будто с восхищением рассматривая меня. Касался моей руки, словно невзначай. Потирал подбородок, когда слушал меня. Чуть откидывался назад, на спинку диванчика, когда говорил сам. Мне нравилось быть рядом с ним, наблюдать за его лицом и жестами, чувствовать его присутствие – это делало меня счастливой. Нравилось раз за разом осознавать, что мы *встречаемся*. И что теперь будет все иначе.

Когда мы снова оказались в его машине и поехали домой, мне хотелось улыбаться. От радости и нежности, что переполняли меня. От предвкушения счастья. От того, что любимый человек был рядом, и я могла на законных основаниях касаться его.

– Тебе понравилось, Яся? – спросил Игнат, и я в который раз поняла, что мне нравится это сокращение.

– Да, очень, – улыбнулась я.

– Я никогда не водил девушек в такие места, – признался он, затормозив на пешеходном переходе. – Обычно это были какие-то рестораны или бары.

– Просто ты мажор, – весело откликнулась я. – Я буду учить тебя простой жизни.

Пока горел красный, Игнат вдруг резко повернулся ко мне и звонко поцеловал в губы, которые перед выходом из фастфуда я намазала гигиенической помадой с ароматом персика. Облизнул свои губы и, глядя мне в глаза, весело сказал:

– Сладкие. Как и всегда.

Сердце тотчас забило сильнее.

– Ты меня смущаешь, – хрипло пробормотала я.

– Я рожден для этого – чтобы смущать таких милых девочек, – развеселился парень.

Я подняла бровь – во мне начали просыпаться флирт и азарт. Хотелось начать игру с Игнатом – ту самую, в которой победивший окажется сверху, прижимая проигравшего лопатками к кровати.

– Вот, значит, как. То есть ты считаешь, я не смогу тебя смутить? – пропела я.

– Не уверен, – заявил Игнат.

Словно играя с ним, я положила руку чуть выше его колена и легонько сжала, чувствуя, как под джинсами напрягаются мышцы. Меня это развеселило.

– Эй! – возмутился Игнат. – Ты перепутала мою ногу с подлокотником.

Моя ладонь поползла вверх. Снова остановилась.

– Ладно, один-один, – весело заявил Игнат. – Ты тоже умеешь смущать, Яся. Еще как.

– Запомни, Елецкий, наши отношения – мои первые. Поэтому я не знаю, как правильно себя вести, что делать и как быть с тобой милой, – призналась я, хотя говорить об этом было нелегко.

– То есть раньше ты ни с кем не встречалась? – удивился он.

– Нет. И чего это ты так улыбаешься? – подозрительно спросила я, видя, как приподнимаются уголки его губ. – Тебе смешно? Ну, извини, не все могут встречаться с кем-то без чувств.

– Эй, я вообще-то радуюсь, – ответил Игнат. – Особенно мне нравится часть про чувства. Я ведь тебя нравлюсь. Ты с ума по мне сходишь. И не спорь. Знаю же.

Вместо ответа я снова взлохматила его волосы. То, что происходило между нами, было странно и зыбко, словно мы оба все еще не верили в это. Оба смотрели друг на друга с настоящим восторгом, боясь разбить то хрупкое ощущение нежности, которое установилось между нами. Но оба хотели чего-то большего, чем просто нежность.

Поцеловались мы только тогда, когда приехали домой, вместе поднялись на второй этаж и застыли перед дверью в мою спальню. Игнат остановился, положил руки мне на талию, провел ладонями по телу, остановившись на бедрах и притянул меня к себе. Сам же зарылся носом в мои распущенные волосы, прошептал что-то неразборчивое. Потом склонился ко мне, взял за подбородок, чуть задрал его кверху. И, касаясь моих губ своими губами, спросил:

– Можно?

– Да, – выдохнула я, больше всего на свете желая поцелуя с ним.

Игнат сделал это – языком раскрыл мои губы и поцеловал меня.

Слишком мягко, слишком нежно, слишком неспешно – будто играя со мной. Все глубже и глубже, лаская и сводя с ума. Все настойчивее и тверже, заставляя пульс частить, а дыхание срываться. Одна моя рука лежала на его груди, второй я поглаживала его волосы. Не поцелуй, а какое-то наваждение. Прекрасное наваждение. Боже, как мне поверить в то, что Игнат Елецкий теперь мой?

Раздались шаги – кто-то поднимался по лестнице, поэтому Игнат отстранился от меня, но склонился к моему уху и прошептал:

– Помнишь то, что было на кухне?

Я прикусила губу. Конечно, помнила. Сложно было забыть его откровенные чувственные прикосновения и дрожь по телу.

– Помню.

– Запомни еще кое-что – это будет часто. И еще – ты у меня в долгу, – сказав это, Игнат лизнул меня в щеку, заставив вздрогнуть, и ушел в свою комнату.

А я юркнула за свою дверь и прижалась к ней спиной, не включая свет. Грудь высоко поднималась и опускалась – я не могла надышаться после поцелуя. В долгу? Что Игнат имел в виду? Я вдруг рассмеялась, поняв, *что*. В тот раз удовольствие получила только я. А он не получил ничего. «Если будешь хорошо себя вести, верну долг», – написала я ему сообщение, мысленно представляя, *как* я могу это сделать. Возможно, мысли приходили и пошлые, но мне было все равно.

Глава 8. Солнце в его груди

Сидя в своей машине, Алекса уже во второй раз наблюдала сцену, которая казалась ей омерзительной до тошноты. Игнат Елецкий и его сводная сестра стояли непозволительно близко друг ко другу – так, как те, кто считаются родственниками, пусть и некровными, стоять не должны. Она уже видела их вместе – летом, на свадьбе их родителей. И вот теперь это повторилось. Только тогда у них ничего не вышло, а сейчас он точно ее поцелует.

Алекса знала это. Неотрывно глядя на парочку, она буквально чувствовала, что они вот-вот это сделают. Интуиция ее не подвела. Игнат склонился к Ярославе, положил ладонь ей на щеку, сказал что-то и накрыл ее губы своими. Да так нежно, что Алексу затошнило от нового приступа отвращения.

Ощущая, как ревность и злость опаляют сердце, она сжала руль изящными пальцами, обтянутыми перчатками из тончайшей кожи. Вот почему Елецкий стал к ней так холоден. Вот почему не притрагивался, хотя она идеальная девушка – Алекса сделала себя идеальной, и это далось ей с большим трудом. А он... Он выбрал эту нищевродку, которая пришла в его дом и разрушила семью! Дочь дешевки, свадьбу которой этим летом обсуждал весь город.

Игнат отстранился, поцеловал Ярославу в скулу, а потом с какой-то неуловимой заботой надел на нее капюшон. Наверное, чтобы снег, который валил со вчерашнего дня, не путался в распущенных волосах. Волосах, которые наверняка не знали такого ухода, как волосы Алексы.

Алексу не переставало тошнить от отвращения, будто она съела что-то очень несвежее. Как же так? Почему он выбрал эту дрянь, которая даже одеваться не умеет? Что в ней нашел? Может быть, она разрешает ему делать с ней все, что угодно, в постели? Хотя... Алекса прищурилась, разглядывая соперницу. Такая, скорее всего, не особенно-то и опытная. Парней ведь у нее не было, да и с девушками не встречалась. Алекса проверяла биографию Ярославы, даже специальных людей нанимала, но ничего крамольного в ней не нашли. Она ни с кем не встречалась, вела здоровый образ жизни, не была замечена в нарушении закона. Типичная скучная серая мышь, хотя, положив руку на сердце, Алекса понимала, что Ярослава Черникова хороша собой, просто не считает нужным подчеркивать свою красоту. А вот ее мать совсем другая – выглядит моложе своих лет, бережет фигуру, знает, как одеваться, понимает в украшениях... Да и залетела от Елецкого-старшего весьма выгодно. Алекса испытывала к матери Ярославы невольное уважение. На ее месте она поступила бы точно так же.

Игнат взял сводную сестру за руку, и они пошли по улице, которая на второй день снегопада стала белой. Кажется, они направлялись к набережной, и Алекса решила не ехать за ними – увидела все, что хотела. Любоваться их нежностями было противно, и девушка спешно вытащила из бардачка упаковку мятных конфет – они всегда помогали от приступов тошноты. То, что Алекса заметила пару, не было случайностью. Она приехала к Игнату без предупреждения, решив поговорить с ним, но увидела, как он вместе со своей сестрой выезжает с территории особняка Елецких на машине. Почувствовав неладное, Алекса поехала за ними. Интуиция подсказывала, что между ними что-то происходит. Что-то, смутно похожее на любовь. Алекса уже хотела тронуться с места, как ей позвонила Шленская. Разговаривать с ней не особо хотелось, но девушке пришлось себя заставить.

– Слушаю, – холодно произнесла она.

– Привет, – раздался противный голос Яны. – Слушай, я тут разговаривала с подружками нашей птички Ярочки и...

– Узнала что-нибудь? – быстро спросила Алекса.

– Ну, как сказать? Узнала, но это ерунда, – пропела Шленская.

– Говори. Все, что узнала.

– В общем, у Черниковой нет никаких секретиков. Типичная хорошая девочка, которая всегда готовится к занятиям и учится на «отлично». Боже, как это скучно, прожить молодость, зарывшись в учебники, – захихикала Яна. – Хотя, с другой стороны, наша птичка отхватила Игнатика. Запал же он на нее за что-то, да?

– Это все, что сказали тебе ее подружки? – нетерпеливо спросила Алекса, сдерживая злость. Какая же эта Шленская тупая и жадная до денег. Непонятно, чего в ней больше – тупости или жадности?

– Бывшие подружки, – снова хихикнула Яна. – Они поругались. Девочки подставили Яру, притащив в клуб, где ее Сейл похитил, прикинь? Ты же понимаешь, что он хотел сделать, да? Так вот, Игнат и Серж про это узнали и быстро со всем разобрались. А после на Сейла завели уголовку – ну, ты в курсе.

– Подробнее, – процедила сквозь зубы Алекса, лихорадочно пытаясь понять, что ей делать с этой информацией.

Шленская начала пересказывать, то и дело хохоча и сбиваясь на левые темы. Однако Алекса терпеливо выслушала ее. Родители научили девушку, что любая информация может стать оружием, главное – это грамотно ею распорядиться.

– А еще у Ярочки какие-то плохие отношения с отцом, – вспомнила вдруг Яна. – Ее подружки рассказывали, что она случайно обронила на дне рождения несколько странных фраз. Хочешь, перешлю голосовое от одной из них? Сама послушаешь.

– Пересылай, – согласилась Алекса.

– Ты только деньги не забудь мне прислать, милая, – проворковала Шленская. – Ты же обещала мне еще столько же заплатить, если инфу принесу.

– Заплачу, – сказала Алекса. – Перешли это голосовое.

На этом она отключилась, обдумывая услышанное. Спустя секунд двадцать ей пришло сообщение от Яны – она переслала ей голосовое от одной из подружек Ярославы, которую звали Оксаной. Алекса включила его и услышала незнакомый женский голос с хрипотцой:

«Я, конечно, не знаю, зачем тебе эта инфа, но просто вспомнилось. Короче, когда мы были на дне рождения Черниковой в доме ее отчима, то пошли в хамам. Прикинь, у них даже хамам есть! И бассейн! Так вот, заговорили об отцах – у меня папочка тот еще козлина, ну, я и пожаловалась. А Яра вдруг говорит: «Ты не знаешь, что такое по-настоящему плохой отец». И просто вся побелела, даже взгляд изменился, как будто ей страшно стало. Я такой ее никогда не видела. Ритка подтвердит! Я спрашиваю, типа, а что делают плохие отцы? И она выдает, что папаша ненавидел их с матерью, обзывал, избивал, унижал. В общем, какая-то жесть! Я так поняла, что она боится его до сих пор и надеется никогда не увидеть. Для нее это что-то ужасное. И Яра тщательно это скрывает.

А, еще момент! Это случилось на первом курсе, только я сейчас все поняла. Было лето, и мы гуляли впятером после сдачи какого-то экзамена. Пошли в кафе, и Яра, увидев какого-то мужика, аж затряслась. Но потом поняла, что обозналась. Я сейчас думаю – может быть, она его с папашей перепутала? Так боялась. А больше, наверное, ничего особенного я и не вспомню. Хотя еще мать... Они и до Елецкого жили припеваючи, мы с девчонками в гостях у Яры были, обалдели. Только кем ее мамаша работала? Она так и не сказала. Мы с Риткой потом обсуждали и решили, что наверняка ее мужики содержали. Может быть, отец Черниковой мать и ненавидел, потому что она ему изменяла и спала со всеми? Или она была его содержанкой?.. Ну как обычная женщина может стать женой такого, как Елецкий? Да никак. Понятно, каким местом она зарабатывает...»

Запись закончилась, и Алекса зачем-то включила ее во второй раз. И в третий. Перед ней было два вида информации о сопернице: скандальная и почти ничего не значащая, и нужно было лишь выбрать, какую и как использовать. Про мать Ярославы в их кругу говорили разное, мол, она была содержанкой, но вообще-то это никого особенно не смущало. У многих мужчин

с деньгами были любовницы, которых они обеспечивали, – отец Алексы не исключение. Мать любовницу даже знала и встречалась с ней. Дала денег и велела не спать ни с кем, кроме отца, чтобы не заразить какой-нибудь дрянью. Поразило людей другое – то, что Константин Елецкий женился на той, которую содержал, бросив законную жену. Вот это смущало многих. А что если...

Алекса потеряла кончик идеально прямого носа. А что если копать не только под Ярославу, а и под ее мать? С отцом Черниковой связано что-то плохое, раз она до сих пор его боится. Может быть, он что-то знает о ее матери? Что-то такое, что сможет если не разрушить, то пошатнуть отношения между ней и Константином? Если Елецкий бросит жену, то между Игнатом и Ярославом связь тоже может легко оборваться. Просто нужно больше информации. Алекса задумчиво улыбнулась. Она сама вряд ли сумеет с этим справиться, но Алина, мать Игната, может заинтересоваться информацией. Она очень боится, что сын останется без наследства. Может быть, стоит поделиться всем этим и с ней? Пока что Алина в клинике после очередного запоя, но ведь она выйдет оттуда, не будет лежать там постоянно. Тогда и поговорить с ней можно. А то, что Сейл пытался переспать с Ярославой, информация, конечно, занятная, но что с ней делать? Игнат и так обо всем знает. Если она распространит эту инфу, он может рассердиться. А ссориться с ним Алекса не собиралась. У нее была припасена другая стратегия, которую она называла «чувство вины».

Пусть Игнат видит, как ей плохо из-за того, что он больше не обращает на нее внимания. Если понадобится, чуть позднее она может повторить и подвиг его матери. Сделать вид, что хочет покончить с собой. Но это нужно сделать в определенный момент и осторожно, не переиграть и не пережать. Провернуть так же, как с обмороком, – Игнат увидит, что ей плохо и бросит все, включая свою сестренку. А пока пусть поиграет с ней. На контрасте поймет разницу между Ярославой и ней, Алексой Гордеевой. Постепенно она заберет его у нее. Навсегда. С этими мыслями Алекса выехала на дорогу и, подпевая известной певице, поехала домой.

– Ты просто хочешь гулять? – недоверчиво спросил Игнат, держа меня за руку.

Мы шли по набережной, как настоящая парочка, и под нашими ногами поскрипывал снег, который не останавливался со вчерашнего дня. Казалось, что приближающаяся зима накупила на город снежную вуаль, словно заявляя осени свои права. Мне нравилась эта погода – снежно, красиво, но не очень холодно. И нравилось, что рядом со мной был Игнат. Мы уехали из дома, чтобы провести время вместе, и, если честно, хотя нас и тянуло друг ко другу, мы оба держали некоторую дистанцию. Наверное, большую роль играло то, что несколько месяцев мы жили в ненависти и злобе, и новый уровень общения был для нас пока еще непонятным.

– Ну да, а что? – удивилась я.

– Просто... странно. Я мало с кем так гулял, – признался Игнат. – Только когда был подростком. А сейчас гуляю только с Сержем.

– А что вы делали с девушками на свиданиях? – не отставала я.

– Ну... Говорил же – тусовались. Я их всюду водил, куда они хотели. Мы пили, танцевали, веселились. Или же просто шли ко мне или в отель и т... – Игнат резко замолчал, будто передумав договаривать фразу.

– Продолжай, – ласково подбодрила его я. – Что вы там делали?

Он пожал плечами.

– Спали.

– Ты хотел сказать другое слово, – прищурилась я.

Почему-то мне было смешно – Игнат старался быть милым, надо же. Будто бы я никогда не слышала, какие слова он иногда говорил. Как и многие парни, в выражениях он порой не стеснялся.

– Я попытался быть тактичным, чтобы ты не решила, что я озабоченный дегенерат, – отозвался Игнат, останавливаясь у перил, за которыми замерла река. Она еще не замерзла, казалась голубовато-серой и почти неподвижной, какой-то бархатной.

– Может быть, я уже так решила, – хитро улыбнулась я. – Ты два раза ко мне приставал.

Рука Игната оказалась на моей талии. Он притянул меня к себе, впрочем, я была не против.

– Что ж, раз ты узнала мою тайну, мне придется тебя наказать, – сказал парень.

– И как? Показать, насколько ты озабоченный, на деле? – рассмеялась я, и воспоминания о том, что происходило между нами, подарили приятное головокружение.

Господи, если бы он только знал, *сколько раз* я его представляла... Решил бы, что кто из нас и озабочен, так это это я.

– Напротив. Оставить тебя без этого. Чтобы ты сама попросила меня кое-что сделать, – хмыкнул Игнат.

Я театрально закатила глаза, едва сдержав смех.

– И что же это за таинственное «кое-что»?

– Считай это волшебством, – усмехнулся Игнат.

Он хотел сказать что-то еще, но не успел – зазвонил телефон, и из разговора я поняла, что это был Серж.

– Привет, – сказал Игнат. – Нет, не смогу, прости. Гуляю с Ясей. Типа свидание, да. Давай, до встречи. Приеду, наберу.

– Сережа тебя куда-то позвал? – спросила я спокойно, хотя из-за слова «свидание» в душе все ликовало.

– Да, к одному знакомому на днюху.

– Может быть, тебе поехать?

– Нет, – покачал головой Игнат. – Я хочу сегодня побыть с тобой.

Я улыбнулась и, сама не замечая, потерлась головой о его плечо, словно кошка.

– Ты бываешь очень милой, – вдруг сказал он.

В его голове не было никакого подтекста, лишь искренность и теплота. И, пожалуй, толика удивления. «Ты тоже», – подумала я и вместо ответа просто обняла его, сомкнув руки на шее. А он тотчас обнял меня в ответ и несколько раз поцеловал в щеку.

Мне так нравилось прикасаться к Игнату, чувствовать его тело, ощущать его руки на себе. Это было для меня чем-то новым, удивительным и прекрасным. И я чувствовала себя счастливой. А еще это его «Яся»... Никогда не думала, что такое сокращение настолько мне понравится. Яра – сильная и самостоятельная, а Яся – нежная и женственная. Рядом с Игнатом я и хотела быть такой.

Наобнимавшись и подарив друг другу короткий поцелуй, мы снова взяли за руки и пошли вдоль заснеженной набережной. Народу было много: и семей с детьми, и молодежи, и пожилых людей. Все наслаждались погодой и первым снегом.

– Значит, со своими девушками ты никогда не гулял? – снова спросила я, не отпуская руку Игната.

Мне хотелось знать про него все – просто все! Мысли, мечты, даже страхи. Он был для меня самой интересной книгой, которую я заполучила, и мне не терпелось прочитать ее, хотя сейчас я была лишь на первых страницах.

– Говорю же, только когда был подростком, – кивнул Игнат. – Потом это как-то отошло на задний план. Обычно мы тусовались, хотя, знаешь, мне нравится вот так гулять с тобой. В этом что-то есть.

Он поднял мою руку и поцеловал запястье, заставив меня немного смутиться. А после снова накинул мне на голову капюшон – сказал, что без него будет холодно, а шапку я забыла.

– У меня не было нормальных отношений, – продолжал Игнат. – Долго ни с кем не встречался. И привык, что всем девчонкам от меня что-то надо. Для меня это было нормой – дарить подарки, водить куда-то, платить за все. Условно говоря – я покупаю тебе айфон, а ты даешь мне качественный секс. Поначалу ощущение власти пьянило, потом стало доходить, что это ненормально. Как будто во мне нет ничего другого, кроме бабла. Как будто я не человек, а банкомат. Поэтому я попытался встречаться с Алексой. По-настоящему.

От упоминания этой девушки мне стало не по себе. На самом деле я ужасно ревновала Игната к ней, хотя сама не могла себе в этом признаться.

– Что у вас было на свадьбе? – зачем-то спросила я, хотя помнила слова Сержа, что Игнат не спал с ней.

– В смысле? – не сразу понял Елецкий.

– На свадьбе наших родителей вы?.. – Мне не пришлось договаривать, он и так понял, что я имею в виду.

– Нет, – просто ответил он, а потом рассмеялся хрипло. – Я как тебя встретил, не мог с другими. Ну, короче, ты понимаешь.

От этого его признания на душе стало легче. Одно дело, когда об этом говорит Серж, а другое – когда сам Игнат.

– Что, мои слова про полшестого оказались правдой? – округлила я глаза.

– Дурочка, – рассмеялся он и чуть крепче сжал мои пальцы. – Хватит про это шутить, у меня все отлично. Просто как будто в голове что-то сломалось. Во всех видел тебя, и это дико бесило.

Я снова смутилась, не зная, что на это сказать. И мы молча пошли дальше. Это был слишком откровенный разговор, и я терялась.

– Куда мы идем, Яся? – спросил Игнат с любопытством.

– Хочу показать тебе свое любимое место, – сказала я, уверенно ведя его за собой.

Идти нам пришлось довольно долго – минут сорок, прежде чем мы сошли с набережной и спустились вниз, к самой реке. Это был небольшой пляж, где летом мы с девчонками загорали, сейчас же здесь все вокруг было припорошено снегом: и пожухлая трава, и кустарники, и камни у самой кромки воды. Зато отсюда открывался прекрасный вид на один из крупных мостов, перекинутых через реку, и на другой берег, где по набережной тоже прогуливалось много народу. Было еще светло, но солнце уже клонилось к горизонту, оставляя на воде оранжевые блики, больше похожие на мазки крупной кисти. Воздух был пропитан прохладой и умиротворением.

– Иногда я прихожу сюда одна. Сажу на той лавочке, кормлю уток и чувствую себя спокойнее, – сказала я и спросила с надеждой: – А тебе здесь нравится?

– Честно? – виновато улыбнулся он.

– Конечно!

– Если честно, я не умею ценить места, – признался он. – Я бывал в разных местах, и они были лучше, чем это. В Альпах куда больше снега, а побережье океана не сравнится ни с какой рекой.

Я почему-то расстроилась – ведь делилась с Игнатом сокровенным, а он не впечатлился.

– Но есть один важный момент, – мягко сказал он, расстегнул пуговицы пальто и, не обращая внимания на прохладу, взял меня за запястье. Затем немного задрал черную водолазку и приложил мою ладонь к своей обнаженной груди. От изумления я не знала, что сказать. Ощущая жар его кожи, просто замерла. У него вместо сердца солнце в груди? Почему он такой горячий? Или так кажется из-за холода?.. *Нет, внутри у него действительно сияло солнце. И я тянулась к этому свету.*

– Чувствуешь? – спросил Игнат и сглотнул. – Как бьется мое сердце?

– Нет, – растерянно прошептала я, приходя в себя.

– Точно?..

– Точно... У тебя неплохие мышцы...

– Спасибо, конечно, но я хотел, чтобы ты сказала другое.

– Да не чувствую я, как у тебя сердце колотится! Но если ты хотел похвастаться мускулатурой, то тебе удалось, – хмыкнула я.

– Черт, я хотел, чтобы это было романтично, а в итоге вышло тупо, – рассмеялся Игнат.

– Короче, если почувствуешь, то поймешь, как часто стучит сердце. Это из-за тебя. Поэтому для меня это место тоже будет особенным. Потому что его показала ты. Потому что... Яся, блин, ты чувствуешь или нет? Мне уже холодно!

Мне тоже стало смешно. Пару минут, смеясь, я пыталась почувствовать ладонью биение сердца Игната, от смеха даже щеки заболели, но в итоге просто велела ему застегнуться и схватила за руку, чтобы поймать пульс на запястье, хотя и этого не получалось.

– Ты случайно, не вампир? – спросила я.

– Не умел в романтику, не надо было и начинать, – проворчал Игнат.

– Да ладно тебе, я оценила, это было мило, – сказала я и зачем-то ущипнула его за обе щеки от переизбытка чувств. – Ты такой хороший мальчик, когда не вредничаешь. Прямо хочется съесть!

Не удержавшись, я встала на цыпочки, притянула его к себе и укусила за шею.

– Эй! – возмутился Игнат. – Кто из нас вампир?!

Я в шутку кинулась бежать от него, а он – пустился вдогонку. Догнав и сжав меня в объятиях, Игнат отвлек меня коротким поцелуем, а потом сам цапнул зубами за шею – в отместку. Вывернувшись из его рук, я помчалась вдоль берега, но снова была поймана. Теперь Игнат держал меня крепко – вырваться не получалось. Силы у него было много, и хотя он старался быть аккуратным, я понимала, что против него не выстою. Если я вырываюсь – значит, он позволяет сделать это.

– Иди ко мне, – сказал Игнат и снова жадно прижался к моим губам, заставляя растворяться в новом поцелуе.

Я жарко отвечала ему, ощущая смутное желание, которое зарождалось во мне и поднималось вверх – от низа живота до солнечного сплетения. Только вот поцелуй наш был не особенно долгим.

– Все, – вдруг отстранился Игнат, не разрешая мне больше прижиматься к себе.

– Почему? – расстроилась я. – Я что-то не так сделала?..

– Нет, это я что-то не так могу сделать, если продолжим, – отозвался Игнат устало. – Пойдем куда-нибудь, погреемся.

– Мне и не холодно, – отозвалась я, чувствуя приятную легкость во всем теле. Поцелуй действительно разгорячил.

Игнат потерся носом о мою щеку и, мягко взяв под руку, повел меня наверх. В кафе мы решили не ходить, а просто купили в вагончике кофе и горячий шоколад и снова гуляли по набережной, болтая обо всем на свете. Дома мы оказались часов в девять, и Костя заметил, что приехали мы вместе. Кажется, это его порадовало, потому что взгляд его потеплел.

– Забрал Яру откуда-то? – спросил отчим, не зная, что уезжали мы вместе.

Игнат посмотрел на меня, а я кивнула ему едва заметно и сказала:

– Да, а потом погуляли немного по набережной. Все в снегу, красиво.

Если честно, я была не готова признаваться и маме, и Косте, что мы с его сыном встречаемся. Это слишком сильно меня смущало, и Игната, кажется, тоже.

– Молодцы, ребята, – сказал Костя, не подозревая, как именно мы гуляли. Не как брат и сестра, как он думал, а как парень и девушка.

Я отвела взгляд, но отчим ничего не заметил и продолжал:

– Мы с Леной хотим съездить в отпуск недели на две. На море – ей нужен теплый воздух. Хотите с нами?

– Я бы с радостью, но у меня учеба, – вздохнула я. – Нельзя пропускать, потом сложно пропуски отрабатывать.

– Мой босс меня не отпустит, – усмехнулся Игнат.

Мы украдкой переглянулись, кажется, подумав об одном и том же. Если родители уедут, мы останемся вдвоем.

– Какие сознательные, а, – хмыкнул Костя. – Тогда поступим так – мы с Леной улетим на днях вдвоем. А на зимних каникулах все вместе рванем куда-нибудь. Вам нужно менять обстановку.

Он похлопал Игната по плечу и повел его в свой кабинет, на ходу рассказывая что-то про бизнес. Игнат обернулся и подмигнул мне, а я незаметно послала ему воздушный поцелуй. Ощущение, что в его груди сияет солнце, не покидало меня. Мое солнце. И сердце тоже мое.

Глава 9. В ее комнате

Я переоделась, сходила в душ – вода всегда помогала мне прийти в себя. Намотала на голову полотенце, надела теплый пушистый халат, который мама в шутку называла плюшевым, и, переписываясь со Стешей, села за туалетный столик. Лицо горело – то ли после долгой прогулки на прохладном воздухе, то ли из-за поцелуев Игната. Нанеся сыворотку, я надела на лицо тонкую тканевую маску в виде мордочки панды. Но снять не успела – в дверь постучали. Обычно ко мне в комнату заходила лишь мама. Костя делал это очень редко, будто боясь нарушить мои границы, – был слишком деликатным, а вот мама приходила почти каждый день. Без задней мысли я открыла замок и рванула дверь на себя, однако вместо мамы увидела Игната. Он стоял за порогом и смотрел на меня с широкой улыбочкой. Одет он был в простую футболку и бриджи.

– Ты? – изумленно выдохнула я.

– Не ждала? Кстати, неплохо выглядишь, мисс панда, – сказал Игнат весело, и его взгляд опустился на мои ноги. – Можно?

– Заходи, – кивнула я, и только когда дверь захлопнулась, до меня дошло, что он пришел ко мне в тот момент, когда я в халате, с тюрбаном на голове и в дурацкой маске! Поэтому Елецкий так улыбается, а в глазах прыгают искорки! Вот он, главный минус жизни с тем, кого любишь, под одной крышей! Он может увидеть тебя в любой момент, даже в самый уязвимый. Но, впрочем, он сам зашел ко мне, пусть терпит меня любой. Даже в маске панды. Наверное, я так посмотрела на Игната, что он предложил:

– Если помешал, уйду.

– Нет, – ответила я. – Просто я только что из душа.

В голове пронеслась нелепая мысль, что Игнат начнет шутить в стиле: «В душ и без меня?» Однако он лишь кивнул, принимая это к сведению, а потом шагнул ко мне, так близко, будто снова хотел обнять. Но не сделал это, а лишь склонился к моей шее и глубоко вдохнул носом воздух. На мгновение я опешила – он что, меня нюхает?

– Абрикос, – наконец, заключил Игнат, поцеловал меня в шею, чуть ниже уха, и сделал шаг назад, так и не притронувшись ко мне. Его взгляд снова скользнул на мои ноги, но он перевел его и начал осматриваться по сторонам, впервые оказавшись в моей комнате.

– Ты о чем? – удивленно спросила я. – Что ты вообще делаешь?

– У тебя абрикосовый гель для душа, – спокойно сообщил Игнат.

Его взгляд цеплялся то за наши с мамой фотографии, развешанные в рамках на стене, то за гору тетрадей на рабочем столе, то за большого плюшевого медведя, который сидел в одном из кресел. Это был подарок Стеши.

– И что, что абрикосовый? – удивилась я еще больше.

– Мне нравится. Нравится, как ты пахнешь. Всегда.

Я прикусила нижнюю губу. Он уже говорил однажды, что у меня охрененные духи, и те слова буквально свели меня с ума.

– Меня это смущает, – призналась я.

– А меня смущает, что ты не хочешь меня поцеловать, – прошептал Игнат, кончиками пальцев проводя по моему плечу.

– Вообще-то, я в маске, – напомнила я. – И еще десять минут не буду ее снимать.

– А, да, ты в образе мисс панды, – вздохнул он и сделала жалобные глаза. – Я тоже хочу такую маску. У тебя есть еще? Дай?

– Зачем тебе? – хмыкнула я.

– Мне интересно.

Чуть подумав, я согласилась. Решила поэкспериментировать.

- Ложись на диван, на спину, – скомандовала я и пообещала: – Тебе понравится.
- Яся, да я не секс попросил, а маску.

Игнат сделал вид, что смутился, однако искорки в его янтарных глазах стало еще больше. Боже, каким он клоуном может быть! И почему мне так смешно?

– Дурачок, – закатила я глаза – Маску сразу никто на лицо не надевает. Уход за кожей включает в себя несколько этапов! Маска – седьмой, кажется. А до этого нужно очистить кожу, сделать пилинг, нанести тонер, сыворотку, а потом уже можно и масочку. А после нее намазать кожу кремушкой.

Игнат недоверчиво на меня посмотрел, а я кивнула ему на туалетный столик, заставленный бутылочками и баночками – это мы с мамой как-то накупили всего, чем я даже не знала, как пользоваться.

- Ты смеешься надо мной? – спросил Игнат.
- Не выдержав удивления в его голосе, я действительно рассмеялась.
- Нет, конечно! Просто этапов и правда много...
- И сколько всего этапов?..
- Кажется, десять... Я просто выполняю не все, – призналась я.

В уходовой косметике большим специалистом я не была. Но ухаживать за кожей мне нравилось – это был скорее ежедневный ритуал заботы о себе.

– Тяжело быть красивой девушкой, – усмехнулся Игнат. – Хотя и парнем быть непросто.

– Ой, да что вам там, – отмахнулась я. – Встал, умылся и пошел.

– Вообще-то я не пещерный человек и тоже пользуюсь всякими штуками для лица. А бритье? – прищурился Игнат. – Бриться каждый день очень надоедает. Серж кайфует от процесса, чертов эстет. Но у него хуже растет, и волосы светлые. А я страдаю.

– Ах ты, бедненький, – посочувствовала я и коснулась его щеки. И вдруг подумала – наверное, он брился перед нашим свиданием, поэтому кожа такая гладкая. Значит, тоже готовился к нему, может быть, даже переживал. Это так мило...

Игнат ласково погладил меня по руке и с размаху плюхнулся на диван, положив голову на подушку.

- Ладно, делай. Я все стерплю, – мужественно заявил он.
- Какой смелый мальчик, – хмыкнула я, собирая с туалетного столика нужные средства.

Потом велела Игнату вымыть лицо со специальным очищающим гелем, а когда он вернулся из моей ванной комнаты, то заявил, что подушка жесткая.

– Хочу положить голову тебе на колени, – добавил Игнат, снова рассматривая мои ноги – они буквально не давали ему покоя, и меня это не смущало, а скорее смешило.

Я села на диван, разрешила Игнату положить голову мне на колени и принялась за дело. Сначала собрала волосы в два коротеньких хвостика, чтобы не мешались, потом попросила закрыть глаза – его внимательный взгляд смущал. И только тогда принялась наносить средство на кожу. Кожа Игната была темнее, чем у меня, и все еще сохраняла остатки загара. Она была не такой мягкой и нежной, как у девушек, и не была идеальной – под ярким электрическим светом я замечала все маленькие несовершенства, только почему-то все равно казалось, что Игнат очень красивый. Касаясь его лица подушечками пальцев, я чувствовала себя счастливой.

– Яся, сколько средств ты уже нанесла? – спросил он, не открывая глаз.

От его ресниц вниз падала тень, и от этой мелочи щемило сердце – Игнат казался таким беззащитным, что мне хотелось обнять его и прижать к себе, чтобы защитить от всего в этом мире. Абсолютно странное желание, но побороть в себе его я не могла.

- Три...
- А так можно, да?
- Нужно.

Игнат приоткрыл один глаз и посмотрел на меня.

– Со мной ничего не случится?

– Случится.

– Что? – заволновался он и открыл второй глаз.

– Станешь красивым мальчиком, – отозвалась я, продолжая наносить на его кожу прозрачную сыворотку. – Закрой глаза, пожалуйста.

Закончив, я взяла упаковку, вскрыла ее, достала сине-белую тканевую маску, расправила и стала аккуратно раскладывать на лице Игната.

– Холодно! – вздрогнул он.

– Потерпи! – строго взглянула я на него. – Ничего она не холодная. Тебе кажется.

– Мне не каже... – Договорить Игнат не успел – я приложила указательный палец к его губам, а он взял и прикусил его. Я попыталась убрать палец, а он не отпускал.

– Игнат, ты что, собака? – строго спросила я, хотя внутри все звенело от веселья.

– Малыш, я лучше собаки, – наконец, отпустил меня Игнат.

– Так говорил Карлсон, – вспомнилось мне.

– Да, это мой любимый герой в детстве, – признался он.

– И мой, – грустно улыбнулась я, нехотя вспоминая прошлое. – В детстве мечтала, чтобы за мной прилетел Карлсон и унес к себе на крышу. Но тут же решила сменить тему: – Игнат, а почему ты любил его?

– У него было много чего пожрать, варенье там всякое, плюшки... А пожрать я любил, особенно сладкое, – выдал парень. – Но мне запрещали из-за диатеза.

Я рассмеялась в голос. Значит, наша университетская звезда в детстве обожала Карлсона из-за банок с вареньем и плюшек. Такая милота – даже в сердце становится теплее. Но... Но как же из смешных большеглазых малышей вырастают такие монстры, как мой отец? Он ведь тоже когда-то был маленьким. Неужели он был таким с самого начала? Нет. Отец таким стал. Я встряхнула головой, прогоняя непрошенные мысли. Я не должна думать об этом, пока рядом любимый человек.

– Но Катя не понимала, что мне нельзя сладкое, и вечно воровала то конфеты, то шоколад, – вдруг совсем другим голосом сказал Игнат – взрослым, наполненным светлой тоской по сестре. – И тайком приносила мне. Мама никак не могла понять, почему лечение не помогает. А когда они с отцом поняли, не знали, смеяться или наказывать нас.

Игнат замолчал, глядя куда-то в стену – словно вспоминая прошлое.

– Мне жаль, что она ушла так рано, – прошептала я и положила руку ему на грудь. – Это несправедливо.

Он накрыл мою ладонь своею.

– Да. Жизнь вообще несправедливая штука. Поэтому остается только бороться.

Мы замолчали. Закончив, я улыбнулась. Потрясающе. Я в маске, и мой парень – тоже. Слишком мило, чтобы быть правдой.

– Все? – спросил Игнат, открыв глаза и глядя на меня снизу вверх.

– Все.

– Можно посмотреть в зеркало?

– Да, конечно. Только не смейся и не улыбайся, – разрешила я. – Вдруг спадет.

Спустя несколько секунд Игнат уже стоял у зеркала и с недоумением смотрелся в него.

– Ну что, нравится? – Я подошла к нему и, не сдержавшись, обняла за пояс. Почему он такой сильный и теплый? Уютный до умопомрачения в этой своей домашней одежде...

– Почему ты панда, а я непонятно кто? – спросил Игнат, всматриваясь в отражение и касаясь собственного бело-синего лица пальцами.

– Ну почему же непонятно кто, – хмыкнула я. – Ты выдра.

– В смысле выдра? – не понял он.

– В прямом. Это маска выдры, увлажняет кожу и делает ее бархатистой. Чувствуешь? Хочешь, я буду называть тебя мистер выдра? – дразнясь, спросила я.

– Да ты решила надо мной поиздеваться? Нам с тобой нужно серьезно поговорить, Яся.

Игнат повернулся ко мне, обнял за талию и вдруг поднял в воздух. Закружил, заставив взвизгнуть. Сначала в одну сторону, потом в другую. Полотенце у меня голове разматалось и упало на пол. А Игнат понес меня к кровати, миновав диван, на котором мы сидели. Мгновение – и я лежала на спине, с разметающимися по постели волосами. А Игнат нависал сверху, упираясь коленями и сжатыми в кулаки ладонями. Мой халатик неприлично задрался, Игнат пока что этого не видел, а я чувствовала и думала, что мне все равно. Нет, вернее так – *я хочу*, чтобы он видел.

– Ну что, будешь вести себя плохо? – спросил Игнат.

– Буду.

Он был такой смешной – в маске выдры, с двумя хвостиками на макушке, что я рассмеялась, обнимая его за плечи. Захотелось закинуть на него ноги, но я решила, что это будет слишком.

– Да? Тогда придется тебя наказать, – прошептал он и коснулся моих губ своими.

Ему было плевать, что мы оба в тканевых масках. Игнат просто хотел поцелуя, и я тоже хотела. Безумно – так, что губы покалывало от нетерпения.

Однако ничего не произошло. Нам помешал звонок. Это был мой телефон, который лежал на прикроватной тумбочке, и он буквально разрывался от громкой мелодии. Волшебный момент был разрушен.

– Ответь, – раздраженно сказал Игнат, перекатываясь на бок.

Я взяла телефон и поднесла к уху.

– Да, слушаю.

– Привет, это Макс, – раздался знакомый голос. – У меня новый номер.

– Привет, Макс, – растерялась я.

С ним мы не общались с августа. Мне казалось это неправильным, даже простые переписки, и я ненавязчиво прекратила общение. Услышав мужское имя, Игнат выразительно поднял бровь. И сел ко мне близко-близко, даже ухо прислонил к телефону, чтобы слышать, что говорит Макс. Я попыталась отпихнуть его, но не вышло, Игнат был слишком упрямым.

– Извини, что беспокою так поздно, просто смотрю в окно, и вижу МКС. А когда вижу МКС, вспоминаю тебя, – продолжал Макс, и его голос был немножко странный, как будто пьяный. – Помнишь, мы наблюдали за ней у тебя на балконе?

– Да, конечно, помню.

– А потом целовались.

– «А потом сеговались», – тихо передразнил его Игнат. Я показала ему кулак.

– Ты целуешься невероятно. И сама какая-то невероятная, – продолжал Макс.

– Спасибо, конечно... Но что ты хотел, Максим? Что-то случилось? – прямо спросила я.

– Ну, понимаешь... Не то чтобы случилось, просто я выпил и набрался храбрости тебе позвонить, – признался парень. – Не понимаю, почему ты перестала со мной общаться. Я тебя обидел? Просто... Просто ты мне очень нравишься. Очень. Все время о тебе думаю. А я тебе совсем не нравлюсь, да? Скажи честно. Почему? Что я сделал не так?

Я тяжело вздохнула и сняла маску, которая уже подсохла. Мне не нравилось, что Макс переживает из-за меня. Он не заслуживал этого.

– Так вышло, Максим, – тихо ответила я. – Ты классный, правда, но...

– Скажи, что у тебя есть парень, – подсказал Игнат. Ему этот звонок явно не нравился. И Макс не нравился. Но он сдерживался.

– Мне нравится другой человек, – прикрыв глаза, сказала я правду. – Вот и все. Дело не в тебе.

– Классика, – усмехнулся Макс. – Чертовски обидно. Но, может быть, ты дашь мне шанс? Я могу попробовать еще раз очаровать тебя.

– Думаю, в этом нет смысла.

– Нет смысла влюбляться в девчонку после одного дурацкого поцелуя. Может быть, ты все-таки встретишься со мной? Я бы мог...

Договорить он не успел – Игнат взял телефон, и я, если честно, не стала сопротивляться.

– Чел, давай по-хорошему, – сказал он, включив громкую связь. – Ярослава – моя девушка. У нас все серьезно, ты лишний. Поэтому просто не пиши ей и не звони. И тогда у тебя не будет никаких проблем.

– А ты еще кто? – Голос Макса из усталого стал раздраженным, в нем появились нотки агрессии. Он узнал голос Игната. – Тот придурок, который нам помешал в тот вечер? Ярослава, ты с таким уродом встречаешься? Серьезно? Он тебя купил? Я разочарован. Ты как шлюха.

Игнат изменился в лице, теперь в его голосе появились отцовская сталь. И он заговорил так, как обычно разговаривают между собой парни. Жестко и бескомпромиссно.

– Слушай сюда и запоминай. Моей девушке больше не звонишь. А если будешь надоедать, мы с тобой не по телефону будем базарить, а поговорим лично. И мне придется физически тебе объяснять, почему нельзя оскорблять мою девушку. Усек?

Макс даже не дослушал его – отключился, а Игнат кинул телефон на кровать рядом с собой.

– Вот козлина, – прошипел он. – Встречу – урою тварь.

Он был ужасно зол, и я почему-то верила, что легко может ударить Макса. Игнат гораздо сильнее его, и Макс не поздоровится.

Я успокаивающе коснулась плеча Игната, чувствуя, как напряжены мышцы.

– Спасибо, что пообщался с ним, – тихо сказала я. – Не думала, что Макс может говорить такие вещи. Он всегда был милым.

Игнат резко повернулся ко мне.

– Никогда и никому не позволяй говорить про себя плохо, – сказал он. – Никто не имеет права плохо говорить о тебе. А если эта тварь будет тебя беспокоить, скажи мне. Разберусь.

– Мой хороший, – неожиданно для себя прошептала я.

Потерлась щекой о его плечо, прильнула к нему и обняла. На Макса отчего-то было все равно, а вот Игната хотелось успокоить. Он тоже стащил маску, усадил меня к себе на колени, поцеловал, а потом уронил на кровать. Мы просто лежали и обнимались, гладили друг друга, изучали лица, волосы, пальцы... Тихо разговаривали, даже смеялись. А потом уснули под одним одеялом. Моя голова покоилась на плече Игната, а он обнимал меня. Мисс панда и мистер выдра. За окном все так же падал пушистый снег.

Глава 10. В его комнате

Почти две недели я жила словно во сне – в прекрасном сне, в котором рядом со мной находился любимый человек. Мы с Игнатом не афишировали свои отношения ни в университете, впрочем, это легко было делать, ведь мы фактически не пересекались. Зато дома все время были вместе. Игнат возвращался позднее, чем я, – из-за работы. Я с нетерпением ждала его, и когда он приходил домой, обнимала крепко-крепко, даже не дав раздеться. Родители улетели на море, а те, кто работал в особняке, не оставались на ночь, поэтому мы с ним были предоставлены сами себе. Дом был в нашем распоряжении, и мне даже стало казаться, что мы живем вместе, как семейная пара.

Первые дни мы не отходили друг от друга ни на шаг, постоянно целовались, лежали в обнимку на диване или вместе сидели возле камина, наслаждаясь треском огня. Гладили друг друга, изучали, пытались понять, что нравится, а что нет. Иногда шутили и смеялись, иногда бесились, устраивая битвы подушками, а однажды устроили прятки по всему дому. Я тогда спряталась первой – в гардеробной, за верхней одеждой, и Игнат долго искал меня, а когда все-таки нашел, злой, потому что потратил много времени, стал неистово меня целовать, откровенно касаясь груди и бедер сквозь тонкую ткань футболки и домашних шорт. Однако вдруг остановился, когда я изнывала от желания, и сказал, что на сегодня хватит. И убрал мои руки от себя, заставив разочарованно выдохнуть.

– Не смогу остановиться, Яся, – только и сказал Игнат, и мне лишь осталось кивнуть в ответ – я чувствовала, насколько он возбужден, когда прижималась к нему, и меня это одновременно и смущало, и заводило.

– Тогда давай смотреть фильм, – улыбнулась я. – Только выбираю я! Мне надоели твои боевики!

– Договорились, – ответил он, и мы действительно просто смотрели фильм на большом экране.

Еще мы очень много разговаривали – обо всем на свете. О мечтах и планах, о привычках и страхах. О настоящем и будущем. Прошрое почти не затрагивали – нам обоим не хотелось о нем говорить. Игнату больно было вспоминать сестру и родителей, которые когда-то были вместе. А я молчала о своем детстве. Во-первых, любое упоминание о монстре опускало настроение на дно, во-вторых, я не могла выдать Игнату мамины тайны, и это ужасно мучило. Мне хотелось быть искренней до конца, я не умела по-другому, а тут приходилось скрывать некоторые вещи, и из-за этого я почему-то в душе стала злиться на маму, хотя в разговорах с ней по телефону и вида не подавала.

Между мной и Игнатом искрило так, что дыхание захватывало. Я безумно хотела этого человека и знала, что это взаимно. Но сейчас, став парой, мы не торопились – будто поставили на паузу свою страсть, зная, что все равно будем вместе, и однажды это неизбежно произойдет. А еще мне казалось, будто Игнат дает мне время привыкнуть к себе, а потом, когда мы разговаривали, гуляя по заснеженному саду, сказал странную фразу:

– Не хочу, чтобы ты думала, будто мне нужно только одно.

– Почему же? – лукаво взглянула на него я.

– Потому что люблю, – коротко ответил Игнат, обнимая меня за талию.

Это был второй раз, когда он говорил о своих чувствах, и его слова заставили сердце наполниться теплом. Я же не говорила о любви – мне было слишком сложно произносить такие слова. Я была из тех людей, которые считали, что говорить о любви нужно редко, ведь это слово обладает слишком большой силой. Чем чаще говоришь о чувствах, тем они слабее. Хотя после этой прогулки, лежа в кровати рядом со спящим Игнатом, я поняла, что, наверное, все дело было в том, что я просто никогда не умела выражать свои чувства, а на любовь с самого детства

у меня стоял запрет. Подсознательно мне не хотелось таких же отношений, какие были у мамы и монстра, а ведь они были моим единственным примером отношений. Именно поэтому я и не встречалась с парнями до Елецкого, который каким-то образом смог сломать стену, отделяющую меня от мужчин.

Слушая дыхание Игната в ночи и чувствуя тепло его тела, я вдруг поняла, что хочу освободиться от этих запретов на любовь. Я имею право любить. Имею право выражать свои чувства. Имею право быть счастливой. Я засыпала с этими мыслями, положив голову на грудь Игната. И субботним утром проснулась в отличном настроении, однако Игната рядом не обнаружила – он ушел. Я умылась, почистила зубы, привела себя в порядок, надела длинную широкую футболку, которая заменяла мне платье, и пошла искать Игната, чтобы позавтракать вместе с ним. Погода на улице стояла ясная, солнечная, и ноябрьский снег за окном искрился под лучами. Обычно в ноябре, после своего дня рождения, я чувствовала тоску по лету, но этим ноябрем все было иначе – он казался таким же прекрасным, как все остальные месяцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.